

Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи.

I.

ытописатель, воспроизводя прошлую жизнь народа, может ставить своей задачей или художественное изображеніе этой жизни или научное изслѣдованіе причинъ и слѣдствій историческихъ явленій; исторія стоитъ такимъ образомъ на рубежѣ двухъ областей умственной дѣятельности человѣка: области искусства и области науки, и примыкаетъ болѣе то къ первой, то ко второй, смотря по тому, какую цѣль и какой методъ изслѣдованія и изложенія избираетъ бытописатель; такое положеніе исторіи служить достаточнымъ объясненіемъ, почему во всѣ времена великіе міровые поэты, видящіе „въ памяти своей народы, вѣки и державы“, живо представляя себѣ давно прошедшія времена и истинно чувствуя и сознавая характеръ пережитыхъ эпохъ, обращаются къ исторіи и заимствуютъ изъ нея сюжеты для своихъ произведеній, воспроизводя прошлую жизнь со всею художественностью. Общеизвѣстность этого факта избавляетъ насъ отъ необходимости приводить примѣры и доказательства.

Указанное положеніе исторіи дѣлаетъ также понятнымъ и естественнымъ, почему обращаясь къ научному изслѣдованію исторіи и нынѣ чествуемый нами великій русскій бытописатель Н. В. Гоголь; но врожденное геніальное дарованіе только предрасполагаетъ поэта къ разработкѣ исторіи; любовь же, интересъ и знакомство съ родной стариной можетъ развиваться исключительно подѣ вліяніемъ окружающей среды сначала въ семьѣ и школѣ, а потомъ и въ жизни. Обращаясь къ разсмотрѣнію жизни Н. В. Гоголя, мы видимъ, что всѣ условія, окружавшія его молодость, благопріятствовали развитію въ немъ необходимыхъ для бытописателя свойствъ, указанныхъ нами выше.

Семья Гоголя, какъ по отцу, такъ и по матери, принадлежала къ старымъ козацкимъ родамъ, и многія имена ихъ предковъ связывались съ именами славныхъ дѣятелей въ исторіи Малороссіи, начиная отъ Хмельницкаго; сказаніями о нихъ были наполнены семейныя преданія будущаго поэта; такъ, напр., въ семьѣ его не могли не упоминать о Подольскомъ полковникѣ, а потомъ гетманѣ Евстафій Гоголѣ; не могли не говорить о Лизогубахъ; не могли не вспоминать о Троицкихъ и ихъ просто бытъ; не могли не указывать на дѣятельность Танскихъ, князя Безбородка и другихъ. Разказы о старой козацкой жизни, о Запорожѣ и Сѣчи были тогда слишкомъ еще свѣжи; со времени разоренія „козацкой матери“ не прошло и 50 лѣтъ; въ дѣтство Гоголя много жило и очевидцевъ и участниковъ въ былыхъ подвигахъ запорожцевъ; да, наконецъ, и само Запорожье, со всѣмъ своимъ старымъ общественнымъ строемъ, продолжало еще существовать на Дунаѣ и несомнѣнно пополнялось выходцами изъ Малороссіи; такимъ, напр., выходцемъ былъ и уроженецъ Полтавской губ. Осипъ Махайловичъ Гладкій, избранный въ 1822 году въ кошевые атаманы, а въ 1828 году возвратившійся съ запорожцами въ подданство Россіи; громки были подвиги и болѣе близкихъ къ Ма-

лороссіи Черноморскихъ козаковъ, съ ихъ вождами: Сидоромъ Бѣлымъ, Антономъ Головатымъ и Захаріемъ Чепѣгой; рассказъ о нихъ не могъ не слышать въ семьѣ Гоголь и потому не могъ не ознакомиться съ исторіей Малороссіи по этимъ преданіямъ, прежде чѣмъ прочесть ея исторію, написанную какъ разъ въ дѣтскіе его годы Н. Бантышемъ-Каменскимъ; вся атмосфера, окружавшая Гоголя была, такъ сказать, насквозь проникнута этими козацкими традиціями, а какое впечатлѣніе производили они на чуткую и нѣжную душу поэта, онъ высказываетъ словами дьячка Ѳомы Григорьевича въ „Пропавшей грамотѣ“: „Эхъ старина, старина! Что за радость, что за раздумье падеть на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года и мѣсяца ему нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впускается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ,—ну тогда и рукой махни чудится, что вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадедовскую душу, или прадедовская душа шалить въ тебѣ“.

Родственные отношенія Гоголя съ бывшимъ министромъ Д. П. Троицкимъ и частыя посѣщенія юношей-поэтомъ резиденціи этого магната, села Кибинецъ, должны были, въ свою очередь, поддерживать въ Гоголѣ интересъ не только къ мѣстной старинѣ, но и къ исторіи вообще. Въ с. Кибинцахъ находилась богатая бібліотека бывшего министра, имѣніе котораго П. А. Кулишъ называетъ „Аѳинами временъ Гоголева отца“. Ова принадлежала къ числу богатѣйшихъ; что Гоголь пользовался ею, видно изъ его писемъ къ родителямъ; такъ, напр., въ октябрѣ 1823 г. онъ проситъ ихъ прислать ему „Вѣстникъ Европы“; такія же просьбы его повторяются и въ послѣдующихъ его письмахъ въ 1824 г., при чемъ онъ выражается о бібліотекѣ Троицкаго, какъ о своей собственной: „прислите книги изъ Кибинца“. Обиліе прочтенныхъ книгъ не могло не расширить умственного кругозора юноши и не возбудить его генія къ творчеству; намъ кажется, нельзя отрицать

также и того, что, „Вѣстникъ Европы“, издававшійся вначалѣ знаменитымъ русскимъ историкомъ Карамзинымъ, а позже по-этомъ Жуковскимъ, и заключавшій въ себѣ большое количество статей по русской, часто по южно-русской и западно-европейской, исторіи, долженъ былъ положить свою печать на впечатлительную душу и горячее воображеніе Гоголя и возбудить въ немъ интересъ къ разработкѣ какъ родной, такъ и всеобщей исторіи.

Въ это же время поэтъ знакомится съ народнымъ творчествомъ: легендами, сказками, думами и пѣснями. Извѣстенъ, напр., фактъ, что князь Н. А. Цертелевъ, выпустившій въ 1819 году въ свѣтъ свое первое этнографическое изданіе: „Опытъ собранія малороссійскихъ пѣсней“, посвятилъ его Д. П. Троицкому, „который, говоритъ А. Н. Пыпинъ, живя на покоѣ въ Малороссіи, былъ своего рода центромъ для любителей малорусской старины“¹⁾. Эта книга не могла остаться безъ вліянія на Гоголя и, быть можетъ, только благодаря ей, поэтъ очень рано сталъ собирать этнографическій матеріалъ.

Указанное вліяніе семьи было поддержано и школой; въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, куда Гоголь былъ опредѣленъ, онъ встрѣчаетъ и профессоровъ и товарищей, которые, въ свою очередь, внушали въ немъ любовь и склонность къ литературной работѣ. Изъ профессоровъ Гоголь ближе всѣхъ сталъ къ проф. Бѣлоусову, заслуживающему того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Покойный проф. Н. А. Лавровскій въ своей работѣ: „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородка въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.г.)“, даетъ характеристику тогдашнихъ преподавателей этого перваго высшаго въ краѣ русскаго учебнаго заведенія; характеристика эта, къ сожалѣнію, не можетъ быть названа отрадной и свѣтлой и ярче всего выражается въ дѣлѣ по доносу о вольнодумствѣ нѣкоторыхъ

¹⁾ Ист. рус. этнограф., т. III., стр. 12.

профессоровъ гимназій. Н. Г. Бѣлоусовъ принадлежалъ къ числу лучшихъ преподавателей, имѣвшихъ на молодежь благотворное вліяніе; онъ происходилъ изъ Кіево-подольскихъ гражданъ, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ и готовился занять въ немъ юридическую кафедру, а до того былъ учителемъ единственной въ то время въ Кіевѣ (теперь первой) гимназій; перезванный директоромъ Нѣжинской гимназій Орлаемъ на должность старшаго профессора, онъ преподавалъ здѣсь естественное, государственное и народное право, а также и римское съ его исторіей; слушатели Бѣлоусова составляли по его лекціямъ записки, дѣлая извлеченія изъ сочиненій Вольтера, Руссо, Монтескье, Канта, Юма и друг. великихъ мыслителей конца XVIII в.; когда возникло дѣло о вольнодумствѣ профессоръ, Бѣлоусовъ оказался однимъ изъ главныхъ виновниковъ; записки учениковъ по естественному праву были признаны экспертами и слѣдственной комиссіей вредными по своему направленію; само собою разумѣется, дѣло это въ ту пору, т. е. послѣ событій 1825 г., не могло окончиться благополучно для Бѣлоусова; лишенный мѣста, онъ былъ высланъ на родину, т. е. въ Кіевъ, подъ надзоръ полиціи. — Лекціи Бѣлоусова по содержанію своему должны были касаться западно-европейской исторіи и могли еще въ ту пору направить мысль и желаніе Гоголя изучить обстоятельно тотъ періодъ исторіи Европы, когда личное и государственное право только что зарождалось; этимъ обстоятельствомъ, по крайней мѣрѣ, онъ впослѣдствіи, на лекціяхъ, объяснялъ важность исторіи среднихъ вѣковъ. Что Гоголь несомнѣнно близко стоялъ къ Бѣлоусову, находясь въ гимназій высшихъ наукъ, и подчинялся его вліянію, показываетъ его благопріятное для Бѣлоусова показаніе въ слѣдственной комиссіи и позднѣйшія ихъ отношенія; такъ, напр., въ письмѣ къ Максимовичу (въ 1833 г.) Гоголь совѣтуетъ ему, по пріѣздѣ въ Кіевъ, отыскать экапрофессора Бѣлоусова и сойтись съ нимъ по-ближе; то же

повторяеть онъ и въ послѣдующихъ письмахъ; Максимовичъ отмалчивался, конечно, потому, что онъ, близко стоя къ кружку славянофиловъ, не могъ сойтись во взглядахъ съ Бѣлоусовымъ — крайнимъ западникомъ. Максимовичъ, кажется, даже не совсѣмъ дружелюбно относился къ Бѣлоусову; напр., въ 1835 году, когда Гоголь самъ собрался въ Кіевъ, чтобы повидаться со своими друзьями, Максимовичъ въ своихъ „Письмахъ о Кіевѣ“¹⁾ замѣчаетъ: „Гоголь уѣзжалъ съ утра къ своимъ Нѣжинскимъ лицейскимъ знакомымъ и съ ними странствовалъ по Кіеву; возвращался лишь вечеромъ, и только тогда начиналась наша бесѣда“. Въ это время такими знакомыми Гоголя въ Кіевѣ былъ одинъ Бѣлоусовъ; вліяніемъ послѣдняго, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить, почему Гоголь никогда не могъ сойтись вполне во взглядахъ съ славянофилами.

Изъ другихъ Нѣжинскихъ профессоровъ вліяніемъ на молодежь пользовался еще проф. Соловьевъ, преподававшій естественную исторію. „Эти молодые ученые обворозжили насъ совершенно контрастомъ съ нашими наставниками, педантами стараго времени“, говоритъ одинъ изъ товарищей Гоголя въ своемъ дневникѣ, не давшій однако разрѣшенія назвать себя біографу Гоголя г. Шенроку²⁾.

Въ средѣ школьныхъ товарищей на Гоголя оказывали вліяніе Несторъ Кукольникъ, будущій писатель, пораженный своей начитанностью и товарищей и учителей; К. М. Базили, „не безызвѣстный впоследствии дѣятель въ области литературы и политики, свидѣтель и рассказчикъ ужасовъ Константинопольской рѣзни грековъ въ 1821 году“; П. Т. Рѣдкинъ, бывшій потомъ профессоромъ университета и задумавшій, вмѣстѣ со своими товарищами въ Нѣжинѣ, „составить изъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей полный курсъ всеобщей ис-

¹⁾ „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“, Спб. 1871, стр. 55 и 56.

²⁾ Матер. для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, т. I, стр. 381.

торіи по самой подробной программѣ¹⁾. Слѣдуетъ вспомнить и другихъ товарищей Гоголя, какъ напр. Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко. Вмѣстѣ съ Гоголемъ они издавали школьный журналъ и развивали въ себѣ вкусъ и навыкъ къ литературной работѣ, что и дало потомъ право Гоголю сказать въ своей „Авторской исповѣди“, что онъ „въ послѣднее время пребыванія въ школѣ получилъ навыкъ къ сочиненіямъ, которые были почти все въ лирическомъ и серьезномъ родѣ“.

Семейное и школьное вліяніе на влеченіе Гоголя къ историческимъ работамъ было поддержано и по выходѣ изъ школы и переѣздѣ въ Петербургъ Пушкинымъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Погодинымъ, Максимовичемъ и друг.

Гоголь познакомился съ Пушкинымъ лѣтомъ 1831 года, когда послѣдній весь былъ поглощенъ занятіями по всеобщей и русской исторіи. Онъ составляетъ замѣтки и программы по средневѣковой исторіи, задается цѣлью приложить выводы западныхъ историковъ къ событіямъ отечественной исторіи и проч. Пушкинъ не упускаетъ изъ виду и южно-русской исторіи, для изученія которой составляетъ даже такую программу: „Что такое Малороссія? Что составляла прежде Малороссія? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго-ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедемина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго“. Эта программа, при всей своей краткости, охватываетъ всю исторію Малороссіи и свидѣтельствуешь о широтѣ взглядовъ писателя. Въ томъ же 1831 г. Пушкинъ получилъ разрѣшеніе заниматься въ архивахъ и „предался своей новой работѣ, говоритъ его біографъ, съ жаромъ, почти со страстью“²⁾. Въ это время онъ собиралъ ма-

¹⁾ Матеріалы Шенрока, т. 1, стр. 88—92.

²⁾ „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина,“ изданные г. Анненковымъ. Спб. 1855, стр. 269—270.

теріалъ для исторіи Пугачевского бунта“. Увлеченный самъ этими занятіями, онъ не могъ не возбуждать интересъ къ исторической работѣ и въ своемъ молодомъ даровитомъ другѣ. И Гоголь работалъ и надъ исторіей Малороссіи и надъ сочиненіемъ историческихъ повѣстей. Пушкинъ же одинаково входилъ въ научные и художественные интересы Гоголя, побуждая его къ труду и служа для него лучшимъ образцомъ и совѣтникомъ, что и выразилъ Гоголь при извѣстіи объ убійствѣ Пушкина.

Изъ извѣстныхъ русскихъ историковъ наибольшую поддержку въ своихъ работахъ Гоголь находилъ въ Погодинѣ и Максимовичѣ; съ первымъ его связывала всеобщая исторія, со вторымъ—исторія Малороссіи.

Въ 1833 году онъ, напр., пишетъ Погодину: „По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, замѣтите, и у Васъ и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее—стороннее“¹⁾. Въ перепискѣ съ Погодинымъ онъ дѣлится съ нимъ мыслями по всеобщей исторіи²⁾, пишетъ разборы сочиненій по этому предмету³⁾, проситъ обмѣниваться лекціями по исторіи среднихъ вѣковъ⁴⁾ и наконецъ спрашиваетъ объ источникахъ по исторіи славянъ вообще и Галиціи въ частности⁵⁾. О всемъ же, что касалось исторіи Малороссіи, Гоголь переписывался съ Максимовичемъ; объ этой перепискѣ намъ придется говорить ниже, при разборѣ произведеній его по исторіи Малороссіи, научныхъ и литературныхъ.

Указывая вліяніе на Гоголя окружавшей среды и отдѣльныхъ близкихъ къ нему лицъ на его творчество въ области

¹⁾ Зап. о жизни Гог. т. V, стр. 166.

²⁾ Ibid. 159, 196.

³⁾ Ibid. 168, 225—228.

⁴⁾ Ibid., стр. 221.

⁵⁾ Ibid., 249, 252.

исторіи и литературы, мы не могли, какъ въ виду краткости нашей работы перечислять всѣ имена и входить во всѣ подробности, скорѣе умѣстныя въ обстоятельной его біографіи, такъ и въ виду большей или меньшей извѣстности фактовъ, относящихся къ вопросу объ указанномъ вліяніи.

II.

 Если впечатлѣнія дѣтства и тогдашнее настроеніе южно-русскаго общества обуславливали влеченіе Гоголя къ исторіи вообще и малорусской въ частности; то состояніе разработки этой послѣдней и количество матеріала какъ изданнаго въ свѣтъ, такъ и скопившагося къ тому же времени въ частныхъ фамилныхъ архивахъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, долженствовало отразиться на полнотѣ и точности работъ нашего великаго бытописателя.

Какъ извѣстно, бурныя историческія событія и коренныя общественныя перевороты привлекаютъ къ себѣ вниманіе современниковъ; вызываютъ въ немъ потребность отдать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, понять причину совершившихся перемѣнъ и приподнять завѣсу ближайшаго будущаго. Болѣе пытливые умы берутъ на себя трудъ удовлетворить назрѣвшей потребности общества; они составляютъ мемуары, пишутъ лѣтописи, собираютъ историческіе матеріалы, изслѣдуютъ ихъ и знакомятъ съ ними современниковъ. Прошлое Малороссіи представляетъ собой именно такой непрерывный рядъ бурныхъ событій и слѣдовавшихъ за ними глубокихъ измѣненій въ общественномъ строѣ и настроеніи; безъ нихъ не проходило ни одно полустолѣтіе.

Эпохи Хмельницкаго, Руины, Мазепы, уничтоженіе и возстановленіе гетманства въ Малороссіи, разореніе Запорожской сѣчи, а затѣмъ постепенное сліяніе Малороссіи съ остальною Россіей—всѣ эти событія необходимо должны были рождать

вопросъ о прежнихъ правахъ, преимуществахъ и особенностяхъ козачества и побуждать къ уясненію смысла пережитыхъ эпохъ, къ изученію южно-русской исторіи; и мы, дѣйствительно, видимъ, что это изученіе не прерывалось; о многихъ, недошедшихъ до насъ, „духовныхъ и мірекихъ лѣтописцахъ“, „козацкихъ кроничкахъ“, „діаріушахъ“ и проч., относящихся ко времени до Хмельницкаго, упоминають въ своихъ ссылкахъ позднѣйшіе историки; изъ сохранившихся лѣтописей къ этому времени, т. е. къ XVII вѣку, можно причислить Кіевскую, Межигорскую, Хмельницкую и Львовскую; вслѣдъ за эпохой Богдана Хмельницкаго появились лѣтописи Самовидца, Синописъ Ин. Гизеля, Черниговская, Густынская и друг.; первой половинѣ XVIII в. принадлежатъ лѣтописи: Грабянки, Самуила Величка, Теофана Прокоповича, Лизогуба; ко второй половинѣ того же вѣка и первой половинѣ XIX в., князя Мышценкаго, Миллера, Рубана, Зуева, Симоновскаго, Зарульскаго, Ригельмана, псевдо-Конисскаго, Григорія Полетики, Чепы, Турманскаго, Я. Марковича, Антоновскаго, Василя Полетики, Ломиковского, митр. Евгенія, Д. и Н. Бантышей-Каменскихъ, М. Ф. Берлинскаго, А. П. Мартоса, А. М. Марковича, А. Маркевича¹⁾ и друг. изслѣдователей болѣе частныхъ историческихъ или историко-географическихъ вопросовъ, касавшихся Южной Россіи.

Въ періодъ наибольшей научной и художественной продуктивности Гоголя начала развиваться и мало-русская этнографія; хотя интересъ къ ней сталъ проявляться еще съ конца XVIII вѣка, но „первый этнографъ, говоритъ г. А. Н. Пынинъ²⁾, обратившійся къ изученію народной малорусской поэзіи, былъ князь Н. А. Цертелевъ“; его книга: „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“, вышла въ свѣтъ въ 1819 году и была посвящена, какъ мы уже сказали, Д.

¹⁾ А. М. Лазаревскій: Оч., зам. и док. II, 80

²⁾ Ист. рус. этногр., т. III, стр. 12.

П. Троцинскому, чрезъ котораго скоро стала извѣстна и Гоголю. За изданіемъ Цертелева слѣдуютъ изданія Максимовича, Зоріана Доленги-Ходаковского, Срезневскаго, Бодянскаго, Лукашевича, Евецкаго и Метлинскаго; одновременно съ русскими этнографами изученіемъ малорусской народности занимаются и польскіе: Вацлавъ Залѣскій, Жегота Паули, Войцицкій и друг. и галико-русскіе: Шашкевичъ, Головацкій и Вагилевичъ. Гоголь былъ увлеченъ этимъ научнымъ движеніемъ по изученію родной исторіи и этнографіи гораздо раньше, чѣмъ онъ лично узналъ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей науки и литературы. Онъ началъ еще въ 1826 году, т. е., за два года до окончанія Нѣжинской гимназій, заниматься собираніемъ историческаго и этнографическаго матеріала: сохранилась его записная книжка отъ этого года, въ которую Гоголь, между прочимъ, помѣстилъ: „Лексиконъ малороссійскій: виршу, говоренную гетману Потемкину запорожцами; выговоръ гетмана Скоропадскаго Василю Скалозубову; декретъ Миргородской ратуши 1702 года; чертежи сельскихъ заборовъ; игры, увеселенія малороссіянъ; имена, даваемыя при крещеніи; мысли объ исторіи вообще: малороссійскія загадки; малороссійскія преданія, обычаи, обряды; пѣсня (малорусская); обычаи малороссіянъ; пословицы, приговорки и фразы малороссійскіе; о свадьбахъ малороссійскихъ“¹⁾; по переѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь каждый разъ писалъ матери и сестрамъ и просилъ ихъ о доставленіи ему этнографическаго матеріала; но онъ собиралъ не только этотъ послѣдній, но и археологическій; такъ, напр., въ письмѣ отъ 12 ноября 1829 года читаемъ: „Ради Бога, если будете имѣть случай, собирайте всѣ попадающіяся вамъ древнія монеты и рѣдкости, какія отыщутся въ нашихъ мѣстахъ, стародавнія старопечатныя книги, другія какія-нибудь

¹⁾ Зап. о жизни Н. В. Гоголя, т. I, стр. 54—57. Вотъ заглавіе записной книжки Гоголя: „Книга всякой всячины, или подручная энциклопедія, составлен. Н. Г.—Нѣжинъ 1826“.

вещи-антики, а особливо стрѣлы, которыя во множествѣ находимы были въ Пелѣ. Я помню, ихъ цѣлыми горстями доставали. Сдѣлайте милость, приплите ихъ Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, — рукописей стародавнихъ про времена гетьманщины и прочаго подобнаго?“¹⁾

Количество историческаго, археологическаго и этнографическаго матеріала, особенно послѣдняго, у Гоголя было для того времени необыкновенно велико; онъ имъ дѣлится съ Максимовичемъ и часто говоритъ въ перенискѣ съ нимъ объ обмѣнѣ пѣснями.

Обработка Гоголемъ собраннаго матеріала также начинается весьма рано, еще на школьной скамьѣ. Но въ какой формѣ начата была имъ раньше обработка, беллетристической или научной, трудно теперь рѣшить; о первой формѣ, что Гоголь пользовался ею тогда, намъ положительно извѣстно изъ письма самого поэта къ матери, въ которомъ онъ говоритъ, что посылаетъ ей книжку со своей статьей, писанной имъ въ Нѣжинской гимназіи: „она подписана четырьмя 0000“,²⁾ а подъ этой подписью извѣстенъ удѣлѣнный отрывокъ сожженнаго авторомъ историческаго романа: „Гетманъ“. Другой отрывокъ другого романа озаглавленъ „Плѣнникъ“. Что Гоголь рано сталъ заниматься и исторіей, объ этомъ свидѣтельствуетъ близкій другъ Гоголя А. С. Данилевскій, да и самъ поэтъ, указывая Максимовичу на статью свою, напечатанную въ Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія за 1834 г.: „Взглядъ на составленіе Малороссіи“, пишетъ въ письмѣ къ нему: „тамъ же (въ журналѣ) находится и кусокъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ писанный мною *очень давно*“; въ другомъ письмѣ, отъ 29 мая 1834 г., Гоголь называетъ свою

¹⁾ Зап. о жизни Н. В. Гоголя, т. V, стр. 93.

²⁾ Ibid., стр. 134.

исторію Малороссіи надъ которою онъ тогда работалъ, „новой“, потому что это сочиненіе „начато писаться послѣ того (т. е. послѣ первой редакціи исторіи) гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ“.

Указанные нами выше отрывки романовъ показываютъ, что Гоголь основательно въ студенческую пору зналъ исторію Малороссіи, и основательность эта, быть можетъ, была приоб-
рѣтена имъ вслѣдствіе работы надъ исторіей, а къ этой ра-
ботѣ могъ побуждать его столько же примѣръ Н. Бантыша-Ка-
менскаго, сколько къ сочиненію историческихъ романовъ могло
влечь его желаніе сравняться или превзойти авторовъ, брав-
шихъ сюжеты изъ малорусской исторіи для своихъ литератур-
ныхъ произведеній; изъ такихъ произведеній мы знаемъ одно,
помѣщенное въ „Соревн. Просв.“ (№№ 1, 2, 4 и 6) за 1819 г.,
подъ заглавіемъ: „Зиновій - Богданъ Хмельницкій или осво-
божденная Малороссія“¹⁾ и другое—Нарѣжнаго: „Бурсакъ“,
вышедшее въ свѣтъ въ 1824 году, и, наконецъ, знамени-
тое твореніе Пушкина „Полтава“, напечатанное въ 1828 г.
По общему признанію эти произведенія оказали вліяніе на твор-
чество Гоголя по исторіи Малороссіи, и глубже другихъ—
романъ Нарѣжнаго.

III.

казанныя выше обстоятельства, т. е. окружавшая
поэта среда, его личная геніальность и влеченіе,
а равно и успѣхи разработки къ тому времени исторіи и эт-
нографіи,—все это необходимо побуждало Гоголя къ собранію
и изслѣдованію собраннаго матеріала, и фактъ написанія имъ
исторіи Малороссіи, о которомъ неоднократно говоритъ самъ

¹⁾ Указ. источниковъ для изученія Малорус. края, составл. Ал. Лазарев-
скимъ, вып. I, Спб. 1858, стр. 19.

поэтъ, для насъ не представляется сомнительнымъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, нѣкоторые современные біографы и изслѣдователи произведеній Гоголя отрицаютъ фактъ существованія написанной имъ исторіи Малороссіи, считаютъ его увѣренія въ написаніи этой исторіи похвалой, хвастовствомъ; такъ напр., думаютъ гг. А. Н. Пыпинъ, В. И. Шенрокъ и покойный Н. С. Тихонравовъ; въ своемъ отрицаніи написанія Гоголемъ исторіи они опираются лишь на то, что эта исторія не дошла до насъ ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ.

Но съ этимъ мнѣніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться, имѣя въ виду особенности характера Гоголя. Хорошо извѣстно каждому, какъ строго и требовательно относился Гоголь къ своимъ произведеніямъ и историческимъ и литературнымъ. Вотъ что, напр., онъ пишетъ Погодину 20 февраля 1833 г.: „Едва начинаю и что-нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ рождается совершенно новая система и рушитъ старую“¹⁾; Позже, именно 14 декабря 1834 г. Гоголь опять пишетъ Погодину о томъ же: „Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки“²⁾. Въ 1833 г. на вопросъ Погодина, что онъ пишетъ, Гоголь съ сердечной болью отвѣчаетъ ему: „Сколько я поначиналъ, сколько пережегъ, сколько бросилъ! Понимаешь-ли ты ужасное чувство: быть не довольнымъ самимъ собой Человѣкъ, въ котораго вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость“³⁾. Въ это же время и почти тоже Гоголь писалъ и Максимовичу (9 ноября 1833 г.): „Еслибъ вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня!

¹⁾ Зап. о жизни Гог. V, 174.

²⁾ *ibid.*, V, 228.

³⁾ Н. Барсуковъ: „Жизнь и труды Погодина“, IV, 145 и 146.

Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ!“¹⁾ Хорошо извѣстно также, что въ письмахъ Гоголя это были не пустыя слова; онъ начинаетъ уничтожать и жечь свои произведенія съ самаго начала своей литературной дѣятельности. Онъ сжегъ написанную въ юности идиллію: „Ганць Кюхельгартенъ“. Онъ сжегъ свой романъ изъ Малорусской исторіи: „Гетманъ“. До насъ не дошли его лицейскія произведенія, въ которыхъ онъ изображаетъ смѣшныя стороны Нѣжинскаго общества времени его пребыванія въ гимназій; они въ рукописи ходили по рукамъ, и Гоголь старался собирать ихъ и уничтожать. До насъ не дошла его комедія: „Владиміръ 3-й степени“ и трагедія „Выбранный усь“; не дошло и его сочиненіе: „Земля и люди“, о которомъ онъ пишетъ Погодину: „я не знаю, отчего на меня нашла тоска. . . . корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе“²⁾. Не дошла до насъ и вторая часть „Мертвыхъ душъ“. А сколько напечатано отрывковъ повѣстей, которые не сохранились въ цѣльномъ видѣ! Что же удивительнаго, что до насъ не дошла и исторія Малороссіи, начатая имъ, быть можетъ, еще въ Нѣжинѣ и позже въ 1834 году передѣлывавшаяся на-ново. Но о томъ, что исторія Малороссіи была написана Гоголемъ, говоритъ онъ самъ въ письмахъ къ Максимовичу и Погодину; такъ, напр., по поводу „Взгляда на составленіе Малороссіи“, онъ сообщаетъ Максимовичу, что сама исторія писана „очень давно“, что это введеніе въ исторію Малороссіи „не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ“. Въ 1834 году онъ опять пишетъ о своей работѣ: „Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина совершенно по-

1) „Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу“ Отд. брошюра. 26.

2) Зап. о жизни Гог. V, 174.

вая“¹⁾. Отсюда мы видимъ, что существовали двѣ редакціи Гоголевской исторіи Малороссіи; когда имъ начата первая—мы не можемъ рѣшить, не имѣя для этого прочнаго основанія; вторая же редакція начата, по всей вѣроятности, во второй половинѣ 1833 года: 9 ноября этого года Гоголь пишетъ Максимовичу: „Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украины. Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Миѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили“²⁾. Онъ указываетъ въ письмахъ и объемъ своей исторіи: „она будетъ или въ шести малыхъ или въ четырехъ большихъ томахъ“³⁾; въ другомъ письмѣ прибавляетъ, что его исторія состоитъ изъ 80 главъ⁴⁾. Содержаніе Малороссійской исторіи Гоголя намъ неизвѣстно, и лишь въ письмѣ къ Максимовичу отъ 29 мая 1834 г. мы встрѣчаемъ слабый намекъ на него: „Кстати, пишетъ Гоголь, ты просилъ меня сказать о твоёмъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и, вѣрно, приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтеніемъ и изученіемъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раздѣленіе, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что сдѣлалось уже нашимъ, и твоимъ и моимъ вмѣстѣ“⁵⁾.

Здѣсь, намъ кажется, уместно напомнить то дѣленіе Малорусской исторіи на періоды, которые принялъ Максимовичъ; онъ различалъ:

1) „эпоху татарской власти надъ всей Украиной“ (1240—1320 г.г.) въ 80 лѣтъ.

1) Подлинники писемъ, стр. 34 и 35.

2) Ibid., 26.

3) Ibid., 29.

4) Ibid., 35.

5) Ibid.,

2) „эпоху литовской власти“ (1320—1569 г.г.) въ 249 лѣтъ.

3) „эпоху польской власти“ (1569—1654 г.г.) въ 85 лѣтъ.

4) эпоху раздвоеннаго бытія Украины: восточной—постоянно подъ властью русскою; западной—сперва въ колебаніи между Россіею и Польшей, въ продолженіе 57 лѣтъ; потомъ, послѣ договора Прутскаго 1711 года, въ постоянной принадлежности Польшѣ до конца ея королевства (1795 г.)^а. „Въ предѣлахъ этой исторической рамы, говоритъ Максимовичъ, и не смѣшивая эпохъ, мы можемъ рисовать картину Украинской жизни, исторически вѣрную“¹).

О необходимости изученія исторіи по первоисточникамъ, „а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, написанныхъ Богъ вѣсть кѣмъ“, Гоголь высказывается въ одномъ изъ писемъ къ Бѣлинскому²). Наконецъ, изъ письма Гоголя къ Погодину, отъ 11 января 1834 г., мы узнаемъ, каковъ былъ стиль его исторіи: „Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена; да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней ужъ слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!“³). Вотъ сколько подробностей о своей Малорусской исторіи сообщаетъ Гоголь въ письмахъ къ разнымъ лицамъ и въ разное время! Неужели же все это ради хвастовства? Эти письма поэтъ пишетъ вѣдь въ ту пору, когда начались его душевныя страданія, о которыхъ онъ, въ свою очередь, упоминаетъ. Намъ кажется противоестественнымъ явленіемъ въ душевной жизни человѣка рядомъ страданіе и хвастовство. Какъ можно сомнѣваться въ написаніи Гоголемъ исторіи намъ, когда въ нее вѣрили современники и близкіе друзья

¹) Собр. сочин., т. I, стр. 250.

²) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 383 и 384.

³) Ibid., т. V, стр. 196.

поэта. Погодинъ еще въ 1832 году, познакомившись съ Гоголемъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Говорилъ съ нимъ о Малороссійской исторіи. Большая надежда, если возобновится его здоровье“ ¹⁾, а Максимовичъ въ 1834 году, въ „Предисловіи“ къ своимъ „Украинскимъ народнымъ пѣснямъ“, называетъ Гоголя „новымъ историкомъ Малороссіи“. Наконецъ, упреки Гоголю за его бѣшенный и живучій стиль ясно свидѣтельствуютъ, что его исторію знали уже нѣкоторые друзья, именно Аксаковы.

Геній Гоголя точно предвидѣлъ, что любители читать чужія письма, будутъ копаться въ его чистой душѣ и, не понявъ ея состоянія, назовутъ хвастуномъ; это предвидѣніе онъ выражаетъ въ письмѣ къ Погодину отъ 6 декабря 1835 года; сообщая ему объ оставленіи университетской кафедры и о томъ, что уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ его свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали его, Гоголь прибавляетъ: „я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это!“ ²⁾.

Сказанное нами о содержаніи Гоголевской исторіи Малороссіи еще болѣе разъясняется напечатаннымъ имъ въ 1834 году объявленіемъ „Объ изданіи исторіи Малороссійскихъ козаковъ“ въ „Сѣверной пчелѣ“ (№ 35), „Московскомъ Телеграфѣ“ (№ 3) и „Молвѣ“. Изъ него мы видимъ что Гоголь излагалъ въ своей исторіи жизнь народа, а не описывалъ подвиги однихъ его вождей. Онъ ставилъ такіе вопросы, разрѣшенію которыхъ посвящалъ свой трудъ: „какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи (т. е. Малороссія); какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней во-

¹⁾ Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, VI, 113 и 114.

²⁾ Соч. и письма Н. В. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 246 и 247.

инственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстаивалъ свою религію; какъ, наконецъ, навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезло воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало-по-малу вся страна получила новыя взамѣнъ прежнихъ правъ и, наконецъ, совершенно слилась въ одно съ Россією“. Такъ широки были задачи Гоголя въ исторіи! „Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, болѣею частью неполныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра“. Вотъ чего хотѣлъ Гоголь: указать мѣсто Малорусскаго народа въ міровой исторіи! Для 1834 года это была задача невыполнимая. Требовалась огромная масса матеріала, о собираніи котораго еще только подумывали; требовалось огромное количество предварительныхъ историко-юридическихъ и экономическихъ изслѣдованій, а они не закончены и до сихъ поръ, и до сихъ поръ нѣтъ достаточнаго количества силъ и средствъ для ихъ выполненія. Неудивительно, если Гоголь былъ подавленъ великостью своей задачи, если онъ былъ всегда недоволенъ своими историческими трудами, и они не увидѣли свѣта. Мы сомнѣваемся, чтобы даже въ наши дни могла появиться такая исторія, въ которой бы героемъ былъ народъ, а не отдѣльныя лица, хотя мы значительно приблизились уже къ написанію такой исторіи.

Если мы сравнимъ теперь программу Пушкина по исторіи Малороссіи, приведенную нами выше, съ указанной Гоголевскою, то должны отдать преимущество послѣдней. Гоголь глубже Пушкина понималъ исторію Малороссіи, хотя одинаково оба они находились въ это время подъ вліяніемъ появившейся незадолго передъ тѣмъ въ свѣтъ „Исторіи Русскаго народа“ Поле-

вого. Соглашаясь съ основной мыслью Полевого объ исторіи народа, Пушкинъ тогда же указывалъ въ своей критической статьѣ по поводу этой „Исторіи“, что она не отвѣчаетъ своей задачѣ, конечно, потому, что въ ту пору и для Полевого и для Гоголя трудно было написать исторію народа. Помнѣнію Максимовича, болѣе вѣрно опредѣлившаго значеніе труда Полевого „появленіе I-го тома „Исторіи Русскаго народа“, — какъ явленіе фазтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ—было главнымъ показателемъ поступленія Русской исторіи въ поворотный кругъ систематизма, въ первую—общую или созерцательную ступень онаго“¹⁾ послѣ Карамзина, „перваго русскаго историка и послѣдняго лѣтописца“. Неудача Полевого дѣлаетъ понятнымъ и неудачу Гоголя.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другого научнаго труда Гоголя по исторіи Малороссіи, къ его „Взгляду на составленіе Малороссіи“. Это заглавіе для насъ уже кажется странно звучащимъ; но несомнѣнно, что подъ „составленіемъ“ Гоголь разумѣлъ возникновеніе, образованіе новой народности. Это станетъ яснымъ изъ разсмотрѣнія содержанія этой статьи, въ которой онъ даже употребляетъ выраженіе: „и вотъ составилъ народъ“.

Къ рѣшенію вопроса о „составленіи Малороссіи“ Гоголь подходитъ постепенно. Онъ изображаетъ сначала бѣдственное положеніе Южной Руси, въ которое она была приведена княжескими усобицами; далѣе рисуется грозу татарскаго нашествія, бѣгство населенія на сѣверъ и западъ и возвращеніе его на старыя мѣста; подчиненіе литовцами Южной Руси онъ приписываетъ предприимчивости и завоевательнымъ стремленіямъ Гедимины, а упроченіе власти литовскихъ князей надъ Русью—мудрой политикѣ этого князя и его сыновей Ольгерда и Ягайла, уважавшихъ и сохранявшихъ права и обычаи покореннаго народа.

¹⁾ Собр. сочиненій, т. I, стр. 88.

Утрату политической самостоятельности Южной Русью Гоголь объясняет географическими условиями страны — равнины, не дававшей народу никакой естественной защиты. Образование козачества складывается, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ рыцарскихъ идей, господствовавшихъ въ то время въ Европѣ, и относится къ періоду между концомъ XIII и началомъ XIV вѣка, т. е. ко времени между татарскимъ и литовскимъ завоеваніемъ. Первое зерно козачества представляется ему „пестрымъ сборищемъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй“, хотя большая часть этихъ людей состояла изъ первобытныхъ коренныхъ обитателей Южной Россіи. Непрерывная война съ татарами придавала разбойническій характеръ козацкой общинѣ. Подъ защитой ея къ концу XV в. колонизація Южной Руси усилилась; страхъ грозы татарскаго набѣга вырабатывалъ воинственный характеръ у поселенцевъ; онъ видитъ въ ихъ общинахъ „зародышъ политическаго тѣла“. Такъ „составилась“ Малороссія по Гоголю.

Разсматривая вышеизложенныя положенія, мы не можемъ не признать, что Гоголь, благодаря историческому чутью своего гения, близко подходилъ къ истинѣ. Онъ вполне основательно считалъ, что запустѣніе Южной Руси было кратковременно, и возвратившееся населеніе заняло свои прежнія мѣста жительства. Это положеніе впоследствии было прочнѣе обосновано проф. Максимовичемъ и Антоновичемъ. Гоголь вѣрно также угадывалъ время возникновенія козачества, для опредѣленія котораго, лишь 40 лѣтъ спустя, положилъ прочный фундаментъ проф. Н. П. Дашкевичъ въ своей извѣстной работѣ о „Болоховской землѣ и болоховцахъ“, работѣ, дающей возможность вмѣстѣ съ тѣмъ просто и естественно объяснять внутренними условиями тогдашней политической жизни тотъ общественный строй, который мы находимъ позже у козаковъ, но который Гоголь ошибочно считалъ развившимся подъ вліяніемъ западно-европейскаго рыцарства и внѣшнихъ условий жизни Запорожья. Весьма важенъ былъ также и взглядъ Гоголя на козачество, какъ на „поли-

тическое тѣло“, стремившееся къ выработкѣ собственныхъ органовъ власти и управленія, къ полной автономіи, изъ-за которой, главнымъ образомъ, и происходила его борьба съ Польшей. Неизвѣстно, проводилъ-ли Гоголь этотъ взглядъ чрезъ всю свою исторію Малороссіи, или онъ только мимоходомъ его высказалъ. Недовольство самого автора отчасти уже говоритъ, что онъ не въ силахъ былъ одолѣть эту задачу, конечно, вслѣдствіе указанныхъ нами выше причинъ: отсутствія актоваго матеріала и предварительныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ сторонъ козацкой исторіи.

Мы видимъ, наконецъ, что Гоголь отвергъ ни на чемъ неоснованныя предположенія и басни о происхожденіи козачества, какія встрѣчаются у прошловѣковыхъ лѣтописцевъ, которыми онъ пользовался, и его „Взглядъ на составленіе Малороссіи“ несомнѣнно сложился подъ вліяніемъ критическаго отношенія къ тогдашнимъ первоисточникамъ. Гоголь какъ-бы угадалъ ту правду о козакахъ, которую мы теперь принимаемъ.

Разобранная нами научная работа Гоголя лишній разъ даетъ поводъ редактору и изслѣдователю его сочиненій Н. С. Тихонравову отрицать написаніе нашимъ поэтомъ своей „Исторіи Малороссіи“ и утверждать, что эта работа составлена изъ замѣтокъ, оказавшихся въ записной книжкѣ Гоголя, которую г. Тихонравовъ отмѣчаетъ № 3.¹⁾ Основаніе для такого утвержденія болѣе чѣмъ странно. Если записная книжка № 3 сохранилась, то это позволяетъ лишь предполагать дѣло случая, а не того, чтобы больше записныхъ книжекъ не существовало. Частые переѣзды Гоголя, долгое пребываніе за границей и его страсть сжиганія своихъ рукописей вполне дѣлаютъ понятной случайность сохраненія книжки № 3; наконецъ, сочиненіе по исторіи Малороссіи могло существовать и безъ всякаго отношенія къ запис-

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. X-е, редактированное Н. С. Тихонравовымъ, т. V, стр. 576—579.

нымъ книжкамъ: могло писаться, какъ большой трудъ, въ особыхъ тетрадяхъ, уничтоженныхъ потомъ, быть можетъ, въ огнѣ камина.

IV.

о если научныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи были малочисленны, то они выигрывали въ качествѣ, въ глубокомъ пониманіи исторической правды, которое свойственно лишь необыкновенно чуткой и впечатлительной душѣ поэта; это глубокое пониманіе правды сказалось не только во „Взглядѣ на составленіе Малороссіи“, но еще болѣе въ повѣстяхъ, рисующихъ бытъ козачества. Такія новѣсти сохранились или въ отрывкахъ или въ цѣльномъ видѣ; повѣсти, сохранившіяся въ отрывкахъ, имѣютъ болѣе права назваться историческими, чѣмъ сохранившіеся въ цѣльномъ видѣ. Въ нихъ или выводятся на сцену историческія лица (гетманъ Остраница, король Янъ-Казимиръ), или они приурочиваются къ опредѣленному году, какъ, напр., „Плѣнникъ“—къ 1543-му. Повѣсти, сохранившіяся въ цѣльномъ видѣ, имѣютъ характеръ не строго исторической, но историко-этнографической; таковы: „Пропавшая грамота“, „Вій“, „Страшная месть“ и, наконецъ, „Тарасъ Бульба“.

Въ „Нѣсколькихъ главахъ изъ неоконченнаго историческаго романа“, напечатанныхъ уже послѣ смерти ихъ творца, изображается вождь козацкаго возстанія 1638 г.—Остраница. Возстаніе это было тогда подавлено и, по показанію лѣтописей, Остраница замученъ тяжелой мучительной казнью въ Варшавѣ. Изъ актовыхъ же данныхъ мы, наоборотъ, знаемъ, что Остраница ушелъ со многими козаками на Донъ и тамъ поселился въ Чугуевѣ. Гоголь также представляетъ Остраницу живымъ и возвратившимся въ 1645 г. на родину; здѣсь онъ старается скрываться, чтобы не быть схваченнымъ поляками и выражаетъ намѣреніе бросить боевую жизнь запорожца, жениться на

любимой дѣвушкѣ и зажить спокойно. Имѣлъ-ли Гоголь въ рукахъ акты, говорившіе о существованіи Остраницы въ 1640-хъ годахъ или это ясновидѣніе художника въ прошедшемъ, потерявшаго вѣру въ противорѣчивыя лѣтописи? Во всякомъ случаѣ, въ отрывкѣ судьба Остраницы изображена ближе къ истинѣ, чѣмъ въ лѣтописяхъ. Даже самое возвращеніе его на родину могло быть возможно съ тѣми козаками, которые ушли съ Дона обратно на Днѣпръ, о чемъ свидѣлствуютъ тогдашніе акты. Небольшая лишь ошибка у поэта въ опредѣленіи времени. Въ этомъ отрывкѣ романа есть еще другая очень замѣчательная подробность, именно: Гоголь заставляетъ Остраницу возвратиться на родину въ самый первый день Пасхи и быть свидѣтелемъ, какъ еврей-арендаторы собираютъ налогъ за освященіе пасокъ въ церкви и какъ при этомъ начальники жолнеровъ жестоко обижаютъ женщинъ и бьютъ столѣтнихъ старцевъ. Читая описаніе этихъ фактовъ у Гоголя, можно подумать, что онъ пользовался извѣстнымъ универсаломъ самого Остраницы, въ которомъ описываются имъ перенесенныя отъ поляковъ и евреевъ насилія и, между прочимъ, причиненіе Остерскимъ подстаростой Гердовскимъ мучительнаго наказанія отцу Остраницы только не на Пасху, а въ 1-й день Рождественскихъ святокъ. Эти подробности отрывка романа невольно возбуждаютъ вопросъ, не были-ли извѣстны Гоголю новыя матеріалы, касающіеся Остраницы, или, по крайней мѣрѣ, универсалъ этого послѣдняго, появившійся въ свѣтъ уже послѣ смерти Гоголя, въ половинѣ 50-хъ годовъ.

Въ главѣ изъ историческаго романа „Гетманъ“, напечатанной при жизни Гоголя въ 1-мъ изданіи „Арабесокъ“, представлено смутное время, послѣдовавшее въ Украинѣ за смертью Богдана Хмельницкаго; поэтъ изображаетъ въ этомъ отрывкѣ затрудненія въ пути посла, отправленнаго изъ Варшавы королемъ Яномъ-Казиміромъ къ Миргородскому полковнику Глечуку. Такъ какъ сношенія польскаго правительства

съ видными дѣятелями Лѣвобережной Украины начались только въ это время, то, я думаю, мы въ-правѣ относить этотъ отрывокъ къ гетманству Выговскаго, т. е. до 1659 года; Миргородскимъ полковникомъ былъ тогда не Глечикъ (это — имя, вымышленное поэтомъ), а Лѣсницкій; имя же польскаго посла Лапчинскаго — дѣйствительное; оно взято Гоголемъ лишь изъ болѣе поздняго времени: Лапчинскій былъ носломъ отъ Подольскаго воеводства къ воеводамъ Шереметеву и Ромодановскому въ 1706 г.¹⁾

Что касается отрывка романа „Плѣнникъ“, то онъ, вопреки утверженію біографовъ Гоголя, долженъ быть признанъ остаткомъ несохранившагося романа съ совершенно отдѣльнымъ сюжетомъ²⁾. „Плѣнникъ“ ничего общаго въ своемъ содержаніи не имѣетъ съ отрывкомъ романа „Гетманъ“. Въ „Гетманѣ“ изображался, какъ мы сказали, Выговскій и отношенія его и сочувствовавшей ему партіи козацкой старшины къ польскому королю Яну-Казимиру въ 1658—59 годахъ; въ „Плѣнникѣ“ авторъ самъ относитъ описываемое событіе къ 1543 году; судя по уцѣлѣвшему содержанію, сюжетомъ этого романа должна быть борьба козачества съ Польшей, пораженіе козачества и взятіе въ плѣнъ его вождя, съ которымъ, обремененнымъ непосильной ношей и съ закованной въ клѣтку головой, жолперы являются на ночлегъ въ тихій православный монастырь близъ маленькаго городка Лукомья (Лубенскаго уѣзда);

¹⁾ Арх. Ю.-З. Руси, ч. III, т. 2, стр. 696.

²⁾ Этотъ отрывокъ („Плѣнникъ“) при жизни Гоголя не былъ напечатанъ и внесенъ уже въ посмертныя изданія сочиненій Гоголя; а первый отрывокъ романа „Гетманъ“ напечатанъ самимъ Гоголемъ въ альманахѣ: „Сѣверные Цвѣты“ 1831 г.; почему Гоголь, перепечатавая отрывки „Гетмана“, говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи“, — теперь рѣшить трудно; можно, пожалуй, предполагать, что примѣчаніе оставлено на недосмотру, такъ какъ или двѣ главы слиты здѣсь авторомъ въ одинъ общій отрывокъ, или напечатана только одна глава, а вторая не была дана. Не могъ же разумѣть тогда Гоголь подъ второй главой отрывокъ „Плѣнника“, такъ какъ онъ не былъ особо ни напечатанъ, ни перепечатанъ въ общемъ „собраніи“ своихъ произведеній самимъ авторомъ.

врываються туда силой, оскорбляютъ иноковъ и бросаютъ въ подземелье обезсилѣвшаго плѣнника; личность плѣнника не выясняется совершенно изъ этого отрывка. Дата событія не позволяетъ видѣть въ немъ Острицу, дѣйствовавшаго въ 1638 году.

Второй главой отрывка романа „Гетманъ“ мы болѣе склонны считать не „Плѣнника“, а небольшой безвѣстный отрывокъ, изображающій ставку козацкаго полковника;¹⁾ передъ ставкой стоитъ сторожевой козакъ, не допускающій молодого человѣка въ кунтушѣ проникнуть къ полковнику; въ ставку входятъ въ это время есаулъ и писарь; съ ними проникаетъ къ полковнику и юноша; въ отрывкѣ этомъ описывается боевая жизнь козачества, а изображенное въ ней время и обстоятельство скорѣе должны напоминать эпоху „Гетмана“, чѣмъ „Плѣнника“. Быть можетъ, эту главу и разумѣлъ Гоголь, говоря о двухъ напечатанныхъ отрывкахъ „Гетмана“.

Въ первомъ отрывкѣ „Гетмана“ изображенъ простой бытъ козацкаго полковника въ своемъ домѣ, ничѣмъ не отличавшемся отъ обыкновеннаго крестьянскаго; вооруженный, что было въ обычаѣ того времени у козаковъ, онъ погоняетъ своихъ воловъ, возвращаясь съ навьюченнымъ возомъ съ ярмарки; дома онъ также обходится безъ прислуги, дѣлая все самъ для себя и семьи. Въ другомъ отрывкѣ полковникъ изображенъ въ лагерѣ, въ военное время; какъ военачальникъ онъ строгъ; какъ человѣкъ, ведетъ себя просто и самъ чинить свое сѣдло. Такая характеристика козацкихъ полковниковъ въ половинѣ XVIII в. совершенно соотвѣтствуетъ тому времени, когда „дуки-срибленники“ до времени Хмельницкаго должны были уступить свое мѣсто „козакамъ-нетягамъ“, выдвинутымъ войнами Хмельницкаго и не успѣвшимъ еще выдѣлиться изъ народной массы и стать въ ряды малорусской аристократіи.

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. X-е, редактированное Н. Тихонравовымъ, Спб 1889, т. V, стр. 99 и 100.

Цѣльныя повѣсти Гоголя, изображающія козачество: „Вій“, „Пропавшая грамота“, „Страшная месть“ и „Тарасъ Бульба“, рисуютъ, съ одной стороны, внутренній бытъ Малороссійскаго козачества Лѣвобережной Украины, съ его вѣрованіями и преданіями, съ другой,—бытъ Запорожья, его походы и войны.

Какъ мы сказали уже выше, эти произведенія не могутъ быть названы строго историческими повѣстями, и самъ творецъ никогда не считалъ ихъ таковыми, а просто называлъ повѣстями и быльями. Дѣйствительно, они не могутъ быть приурочены къ какому-либо опредѣленному времени; дѣйствующія въ нихъ лица не историческія, а типы той или другой эпохи; поэтому перечисленные повѣсти имѣютъ лишь историко-этнографическое значеніе.

Мы не будемъ касаться религіозныхъ воззрѣній и вѣры Малорусскаго народа въ духовъ, демонологіи его, а извлечемъ лишь тѣ черты, которыя воскрешаютъ предъ нами жизнь Малороссійскаго вообще, и Запорожскаго въ частности козачества, при чемъ воспользуемся и тѣми отрывками, которые имѣютъ болѣе историческій характеръ и разсмотрѣны нами выше съ исторической точки зрѣнія.

Характеристика Гоголемъ козачества и изображеніе имъ жизни Малороссіи прошлыхъ вѣковъ вытекали и всецѣло обусловливались основнымъ взглядомъ поэта на ту историческую роль, которую козачество призвано было выполнить на исторической аренѣ и которую оно, дѣйствительно, выполнило съ великою честью. Герои Гоголевскихъ повѣстей часто выражаютъ ясно свой взглядъ на эту роль. Данило Бурульбашъ говорилъ о себѣ: „Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну“. Тотъ же взглядъ выражаетъ и Тарасъ Бульба: „теперь благослови, мать, дѣтей своихъ: моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ“.

Гуляютъ-ли козаки, они пьютъ „за вѣру“, „за Сѣчь“, „за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ“! Умирающіе на войнѣ козаки, при послѣднемъ вздохѣ своемъ, заботятся только о родинѣ: „Пусть же станетъ на вѣчныя времена православная Русская земля и будетъ ей вѣчная честь!“.

Гоголь весь былъ проникнутъ благоговѣніемъ предъ идеаломъ козачества, и это благоговѣніе онъ вынесъ изъ изученія его исторіи по лѣтописямъ, народнымъ пѣснямъ и тѣмъ немногимъ историческимъ документамъ, какіе были въ ту пору доступны для историка.

Въ изображеніи жизни и характеристикѣ козачества Гоголь никогда не смѣшивалъ двухъ составныхъ его частей: Мало-русскаго козачества вообще, расселившагося въ городахъ и селахъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и Запорожскаго въ частности, жившаго общей военной жизнью въ своей, защищаемой одной храбростью, крѣпости-Сѣчи. Трудящійся заботливый хозяинъ-козакъ, когда живетъ въ своемъ хуторѣ, является у него и добрымъ, хотя часто грубымъ, мужемъ и нѣжно любящимъ отцомъ, ни на минуту не забывающимъ ни цѣли своей жизни—борьбы за вѣру и родину съ врагами ея, ни своего долга внушить сыну тѣже понятія о своемъ назначеніи. Жена Данила въ „Страшной мести“ обращается къ мужу съ такими словами: „погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по козацки?“ Но образцомъ заботливаго отца является Бульба: онъ отдаетъ своихъ сыновей въ школу, заботится объ ихъ успѣхахъ и грозитъ Остапу, что онъ „не увидитъ Запорожья во вѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ“ (вспомнимъ ученіе Сагайдачнаго, Хмельницкаго). Когда же сыновья окончили академію, Бульба самъ ведетъ ихъ въ Запорожье, хлопочетъ о томъ, чтобы они прошли военную школу на практикѣ, создаетъ даже для этого поводъ къ войнѣ противъ

Польши и Турціи, самъ убиваетъ родного сына за измѣну и жестоко мститъ за казненнаго въ Варшавѣ. Въ этомъ изображеніи домовитости козаковъ и личныхъ высокихъ качествъ семьянина нѣтъ ни одной черты, которая не могла бы быть подтверждена или документами, или лѣтописями, или народными пѣснями.

Точно также вѣрно представлена и домашняя обстановка козаковъ: описаніе ихъ жилищъ, внутренняго устройства и убранства, пищи, одежды, вооруженія, хозяйства—все это можетъ быть провѣрено по люстраціоннымъ актамъ, документамъ юридическимъ и запискамъ современниковъ.

Чтобы не быть голословными, приведемъ изъ люстраціи 1545 г. описаніе жилища князя Романа Сангушка, великаго Литовскаго гетмана, старосты Житомирскаго, воеводы Брацлавскаго, въ селѣ Черногородкѣ (теперь Городокъ, Луцкаго уѣзда). „Во первыхъ, когда войдешь во дворъ, то на лѣвой сторонѣ находится свѣтличка съ сѣнями; въ ней печь простая, окна заклеены бумагой; за этой свѣтличкою кухня; подлѣ этой кухни другая свѣтличка, въ которой печка простая, окна заклеены бумагой; напротивъ этой свѣтлички кладовая, въ которую ходъ изъ сѣней; подлѣ этой кладовой—клѣтъ для храненія имущества; подлѣ клѣтки черная изба съ сѣнями; подлѣ избы—двѣ конюшни подъ одною кровлею. Всѣ исчисленныя строенія покрыты дранью“.¹⁾ Въ описаніяхъ другихъ свѣтлицъ этого князя упоминаются лавки (услоны) вокругъ стѣнъ и столы. Вспомнимъ малый и низкій замокъ князя Константина Острожскаго въ г. Острогѣ, сохранившійся до сихъ поръ; лучший въ городѣ для своего времени и вполне удовлетворявшій своего могущественнаго и богатаго владѣльца, онъ сооруженъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. Въ концѣ этого вѣка

¹⁾ Памятники, изд. Кіев. Комиссіей для разбора древнихъ актовъ, 1852 г., т. III отд. 2-й, стр. 17 и 18.

обстановка состоятельныхъ людей улучшилась немногимъ; вотъ напр., описаніе панскаго двора вблизи Кіева: „въ селѣ Демидовѣ дворъ польскаго полковника Станислава Лозинскаго, а на томъ дворѣ строенія: свѣтлица съ двумя комнатами; въ свѣтлицѣ пекарня съ комнатами; на дворѣ амбаръ большой да погребъ съ выходомъ; за дворомъ баня съ прибанникомъ, конюшня, въ забору винокурня, а въ той винокурнѣ солодовня и овины со всякимъ заводомъ, а дворъ огороженъ заборомъ, а на томъ дворѣ живетъ староста.... въ томъ же селѣ жителей 19 человекъ.... въ селѣ Демидовѣ церковь деревянная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а въ той церкви попъ Алексѣй Ивановъ да дьяконъ“¹⁾. Это описаніе с. Демидова составлено 28 іюля 1686 года по распоряженію Кіевского воеводы послѣ присоединеніи Кіева къ Россіи и при обозначеніи русской и польской границы.

Для знакомства съ домашней обстановкой козаковъ укажемъ на духовное завѣщаніе („духовицу“) козака Тишка Волевача, отъ 8 августа 1600 года; раздѣливъ свои обширныя земельныя владѣнія и табуны коней между сыновьями, онъ распредѣляетъ и движимое имущество: „петдесять дежокъ меду—тотридцать женѣ моей из синомъ малимъ (Иванцемъ), а по десетѣ большимъ: Антону и Андрею; янчарокъ добрыхъ под серебромъ по две, а по пет ручницъ куждему сину; одежою и серебряными чарками равне меютъ поделити; невесткамъ моимъ Вотце... и Гапце по ярмаку хвалендишовом из злоцѣстими потреби и по едамашко(вому), да по злоцѣстому possu, единой из червоними, а другой из зеленими.....²⁾ Въ 1650 году другой запорожскій козакъ Иванъ Водяникъ жалуется о захватѣ у него въ г. Вильскѣ старостой, боярами, слугами и мѣщанами, подъ

¹⁾ Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. VII, т. 1-й, стр. 521 и 522.

²⁾ Чтенія въ Ист. Общ. Нестора-лѣт кн., VIII, отд. III, стр. 14.

предлогомъ неплатежа „мимоходщины“, лошадей, рогатаго скота, суконныхъ одеждъ (сукни), денегъ и другихъ вещей¹⁾.

Описывая Сѣчь, занятія козаковъ въ мирное время, ихъ общественный строй, обычаи на войнѣ, Гоголь также строго и близко держится названныхъ нами источниковъ, о которыхъ мы скажемъ обстоятельнѣе ниже. Поэтому представлять подробно изображеніе хуторной и сѣчевой жизни козаковъ мы полагаемъ излишнимъ: кто же въ наше время не читалъ „Страшной мести“, „Тараса Бульбы“, и другихъ Гоголевскихъ произведеній, живо воскрешающихъ эту жизнь? Мы хотѣли лишь указать, что изображеніе козацкой жизни исторически вѣрно у Гоголя, и онъ съ полнымъ правомъ говорить объ этомъ въ одномъ мѣстѣ своей повѣсти „Тарасъ Бульба“, котораго „свѣтлица была убрана во вкусъ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ да въ народныхъ думахъ, уже не поющихя болѣе на Украинѣ бородами старцами-слѣпцами въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа,—во вкусъ того браннаго, труднаго времени, когда начали разыгрываться схватки и битвы на Украинѣ за унію“. Повтореніе нами этого описанія, какъ предмета всѣмъ и каждому давно и хорошо извѣстнаго, утомило бы только вниманіе читателей.

Но, изображая вѣрно и согласно съ имѣвшимися у него источниками мирную и боевую жизнь козачества, Гоголь не избѣжалъ и ошибокъ; одна изъ нихъ видна въ представленіи имъ условій отдачи въ аренду и на откупъ церковей и церковныхъ доходовъ за требы. Въ 1-й главѣ „Неоконченной повѣсти“, въ которой представлена имъ характеристика гетмана Остраницы, Гоголь говоритъ: „это постановленіе правительства (объ арендѣ церковей) было уже объявлено; народъ съ ропотомъ, но покорился силѣ“. Слѣдовательно, Гоголь представлялъ себѣ

¹⁾ Ibid., стр. 21.

аренду церковей совершавшеюся такимъ же образомъ, какъ совершалась откупная питейная аренда, откупъ, въ его время, т. е. посредствомъ торговъ. Но это крупное недоразумѣніе, которое несомнѣнно передается и современнымъ читателямъ Гоголя. Между тѣмъ дѣло обстояло далеко иначе. Постановленія объ отдачѣ на откупъ церковей польское правительство никогда не дѣлало и не могло дѣлать по той простой причинѣ, что церкви и монастыри разсматривались, по польскому и русскому праву, какъ частная собственность, въ право пользованія которою казна не имѣла основанія вмѣшиваться. Церковь считалась собственностью или того лица или того сословія, которое воздвигало ее. Мы имѣемъ немало актовыхъ свидѣтельствъ продажи церковей и монастырей частными лицами и передачи ихъ по завѣщанію. При отдачѣ въ аренду имѣнія владѣльцемъ, и церковь переходила въ арендное владѣніе; но въ XVII и XVIII вв. евреи никогда не были арендаторами имѣній, а только доходныхъ статей въ имѣніи (мельницы, корчмы, плотины, става, рыбной ловли и проч.), къ числу которыхъ никогда не принадлежала церковь. И до сихъ поръ не найдено ни одного документальнаго доказательства аренды церкви евреемъ. Правда, существуетъ единственная арендная запись на имѣніе Слуцъ-Черборскій, въ Холмскомъ повѣтѣ, выданная паномъ Якубомъ Лысаковскимъ пану Якубу Миклашевскому и еврею Песаху, отъ 1-го января 1596 года, „съ церквами и подаванемъ ихъ“, т. е. съ правомъ лишь патроната надъ церковью;¹⁾ но что въ арендѣ села Слуцъ-Черборскаго принадлежало п. Миклашевскому (христіанину) и что еврею Песаху, рѣшить нѣтъ данныхъ; если же еврею и принадлежало право патроната, что весьма сомнительно, то оно ограничивалось участіемъ въ этомъ правѣ Миклашевскаго. Во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ договорѣ рѣчь

¹⁾ Памятники Кіев. комисіи для разбора древнихъ актовъ, изд. 2-е. Кіевъ, 1898 г. т. I, стр. 166 и слѣд.

идеть лишь о передачѣ владѣльцемъ права патроната надъ церковною арендаторамъ, а не объ арендѣ церковныхъ доходовъ. Объ арендѣ послѣднихъ говорится лишь въ козацкихъ лѣтописяхъ да въ одной изъ народныхъ думъ, которымъ, какъ историческому источнику, Гоголь отдавалъ всегда предпочтеніе. Но, откуда заимствованъ этотъ фактъ лѣтописцами и составителямъ думъ—народомъ, намъ неизвѣстно. Очень возможно, что когда-то и гдѣ-нибудь подобный фактъ церковной аренды имѣлъ мѣсто; онъ на столько тогда поразилъ умы современниковъ, что они распространили молву о немъ по всей Украинѣ, воспользовались имъ, какъ наиболѣе сильнымъ и возбуждающимъ страсти средствомъ противъ обѣихъ національностей, и занесли этотъ фактъ въ лѣтописи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распространился и въ народѣ, перенесшемъ его въ свои думы.

Съ полнымъ безпристрастіемъ рисуетъ Гоголь разбойническій характеръ козачества въ военное время, о чемъ онъ упоминаетъ и въ своемъ „Взглядѣ на составленіе Малороссіи“, объясняя этотъ характеръ условіями тогдашней непрерывной кровавой борьбы съ сосѣдями: „Дыбомъ всталъ бы нынѣ волосъ, говоритъ онъ, отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы“. „пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. скирды неубраннаго хлѣба сжигались, а на нивы, еще не тронутыя серпомъ, выпускались табуны коней“. Эти свирѣпства тѣмъ ужаснѣе, что они падали на голову беззащитныхъ православныхъ же поселянъ и горожанъ, изъ среды которыхъ выходили и сами запорожцы. Еще большія жестокости постигали польскую шляхту, католическое духовенство и евреевъ. Картинами такихъ ужасовъ особенно богаты лѣтописи эпохи Хмельницкаго.

Изображая свѣтлыя стороны козачества и не закрывая глазъ отъ его печальныхъ, темныхъ сторонъ, Гоголь еще въ „Страшной мести“ отмѣчаетъ происшедшій въ козачествѣ

расколъ, когда многіе вліятельные и богатые козаки стали тянуть въ сторону Польши. „Порядку нѣтъ въ Украинѣ; полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ старшей головы надъ всѣми. Шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство продало душу, принявши унію.“ Тоже повторяетъ онъ и въ „Тарасъ Бульба“: „тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводи́ли роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу это было не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь козаковъ и переселился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ Варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ“.

Такимъ образомъ, Гоголь, представляя точно духъ козачества, важнѣйшія стороны его жизни, отмѣтилъ и важнѣйшія эпохи въ ней; но мы напрасно искали бы въ его произведеніяхъ буквальной исторической точности. Гоголь рѣшительно избѣгалъ ея и тѣмъ сдѣлалъ свои произведенія не старѣющими. Онъ писалъ въ то время, когда точная исторія козачества была еще невозможна: собраніе актовъ матеріала, не говоря объ изученіи его, только что начиналось; Гоголь не могъ согласить противорѣчивыхъ лѣтописей, уклонялся поэтому отъ характеристикъ и именъ историческихъ дѣятелей и не дѣлалъ никогда точнаго опредѣленія времени и мѣста изображаемыхъ событій. Пользуясь народными пѣснями, онъ отражаетъ вполне ихъ вліяніе на своихъ произведеніяхъ: послѣднія, какъ и пѣсни, неточны; какъ и пѣсни, они изображаютъ лишь духъ и характеръ своихъ героев; какъ и пѣсни, они проникнуты горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ вѣчно свѣжимъ и живымъ, глубоко проникающимъ въ сердце читателя. Не лицъ и событія представляетъ изъ исторіи Малороссіи Гоголь, а воспѣваетъ козацкую славу: „не погибнетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ

малая порошинка съ ружейнаго дула, козацкая слава. Будеть, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ (козаковъ) свое густое, могучее слово.“ Это густое, могучее слово и сказалъ лучше другихъ самъ Гоголь; онъ истинный бандуристъ, поющій съ горячей любовью о подвигахъ козачества; „и“, скажемъ словами народной думы, „вже ёго слава“, благодаря произведеніямъ Гоголя, „не вмере, не поляже; буде слава помижъ царями, помижъ панами, помижъ православными хрестіанами отъ ныни до вика!“

V.

 дѣ же черпалъ Гоголь это истинное и глубокое пониманіе прошлой жизни своего народа, какими источниками пользовался онъ для своихъ художественныхъ произведеній историко-этнографическаго характера?—Отвѣтъ на это самъ поэтъ даетъ въ своемъ опредѣленіи значенія малороссійскихъ пѣсенъ, какъ историческаго матеріала; „Пѣсни для Малороссіи, говоритъ онъ,—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникалъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи“. Гоголь считаетъ малороссійскія пѣсни вполне историческими, потому что онъ, по его мнѣнію, „не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышетъ эта широкая воля козацкой жизни“. Конечно, Гоголь не могъ не признавать и онъ признаетъ, что „историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему“. Но нельзя не согласиться съ поэтомъ, что пѣсни вполне сохраняютъ въ себѣ „духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь cadaго частнаго.“ Дѣй-

ствительно, „исторія народа разоблачается въ пѣсняхъ въ ясномъ величіи.“ Въ родныхъ пѣсняхъ Гоголь слышитъ музыку грусти, „невыносимый вопль матери, у которой свирѣное насилие вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень, ибо, заключаетъ Гоголь, „такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее унія.“ Высоко цѣня народныя пѣсни, какъ историческій матеріалъ, собирая и изучая пѣсни, Гоголь ведетъ переписку о нихъ съ Максимовичемъ, который, въ свою очередь, придавалъ важное научное значеніе пѣснямъ, изслѣдовалъ и издавалъ ихъ въ свѣтъ. Извлекая изъ пѣсенъ характерныя черты для обрисовки быта козачества, Гоголь находилъ возможность изъ каждой взять что-нибудь для своей цѣли, не заботясь объ ихъ сортировкѣ. Для Максимовича же, какъ издателя пѣсенъ, вопросъ о сортировкѣ былъ главнымъ, и онъ устанавливаетъ разряды для болѣе правильнаго дѣленія и изученія ихъ. Гоголь въ томъ, то касается дѣленія пѣсенъ на разряды, дѣлаетъ совершенно основательное возраженіе Максимовичу, различавшему три рода ихъ: гулливыя, козацкія и любовныя. „Развѣ, ¹⁾ пишетъ онъ, козацкія не гулливыя и гулливыя не всѣ-ли козацкія? . . . Развѣ нѣтъ такихъ пѣсенъ, у которыхъ одна половина любовная, а другая гулливая?“ вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь предлагаетъ собственное дѣленіе: „мнѣ кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься всѣ твои три первыя отдѣленія, во второмъ—обрядовыя. Много если на три разряда: 1-й—историческія, 2-й—всѣ, выражающія различныя отбѣнки народнаго духа, и 3-й—обрядныя. Впрочемъ, какъ бы то ни было, выражается онъ въ утѣшеніе Максимовича, раздѣленіе вещь послѣдняя.“ ²⁾ Хотя дѣленіе пѣсенъ у Гоголя

¹⁾ Письмо отъ 26 марта 1834 г. (Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу).

²⁾ Ibid.

■ болѣе опредѣленно, чѣмъ у Максимовича, все-таки оно грѣшитъ еще туманностью.

Отсюда мы видимъ, что Гоголь гораздо выше ставилъ значеніе пѣсенъ, какъ историческаго матеріала, чѣмъ значеніе лѣтописей, и въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 г. онъ пишетъ: „что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими живыми лѣтописями“! ¹⁾ Болѣе опредѣленное мнѣніе Гоголя о лѣтописяхъ мы находимъ въ письмахъ его къ И. И. Срезневскому; такъ, напр., 6 марта 1834 г. онъ пишетъ послѣднему: „я къ нашимъ лѣтописямъ охладѣлъ, напрасно сился въ нихъ отыскать то, что хотѣлъ бы отыскать“ ²⁾. Нигдѣ ничего о томъ времени, которое должно бы быть богаче всѣхъ событіями“. Гоголь сомнѣвается даже, можно-ли называть лѣтописями „не современные записки, но позднія выписки, начавшіяся уже тогда, когда память уступала мѣсто забвенію“. По его мнѣнію, „эти лѣтописи похожи на хозяина, прибившаго замокъ къ своей конюшнѣ, когда лошади уже были украдены“; онъ считаетъ ихъ пустыми и безцвѣтными; „вмѣсто того, чтобы дослушиваться къ умирающему голосу послѣднихъ воспоминаній, они (лѣтописцы) обезьянски переписывали другъ у друга вырванные листки не происшествій, а развѣ оглавленія происшествій“ ³⁾. Съ мнѣніемъ Гоголя о малороссійскихъ лѣтописяхъ нельзя не согласиться; они, дѣйствительно, или противорѣчивы или повторяютъ другъ друга; установить ихъ большую или меньшую достовѣрность въ цѣломъ или частяхъ Гоголю трудно было, не имѣя опоры для своей исторической критики въ актовыхъ данныхъ; его преподавательская дѣятельность и художественное творчество не оставляли ему времени для анализа достовѣрности лѣтописей, анализа, котораго мы

¹⁾ Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу, отд. оттискъ, стр. 26.

²⁾ Рус. Старина 1892 г., № 3.

³⁾ Ibid.

не имѣемъ и до сихъ поръ для всѣхъ лѣтописей. Болѣе обстоятельно Гоголь высказывается въ письмахъ къ Срезневскому только объ „Исторіи Руссовъ“ Конискаго, котораго онъ считаетъ историкомъ „съ рѣзкою фізіономіей, съ характеромъ, который выхватилъ хоть горсть преданій и зналъ, о чемъ онъ пишетъ.“ Этотъ отзывъ о Конискомъ вполне справедливъ. Когда же Срезневскій въ отвѣтномъ письмѣ замѣтилъ, кажется (письмо Срезневскаго не напечатано), о ложности многихъ фактовъ у Конискаго, то Гоголь замѣчаетъ ему: „Конискому я также, какъ и Вы, во многомъ не вѣрю; но я говорилъ совсѣмъ не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ происшествія со времени Петра записаны. Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнемъ архивѣ.“ И дѣйствительно, въ своемъ письмѣ Гоголь говоритъ лишь о рѣзкой фізіономіи, о характерѣ историка, который зналъ, о чемъ онъ пишетъ, а не о точности и достовѣрности его исторіи. Срезневскій не вчитался и не понималъ письма Гоголя. Поэтому-то послѣдній въ слѣдующемъ письмѣ поясняетъ, что онъ, въ свою очередь, мало вѣритъ Конискому въ изложеніи имъ древнѣйшаго періода исторіи Малороссіи, но заявляетъ, что малорусскія событія послѣ-петровскаго періода всѣ подтверждаются архивными данными и потому заслуживаютъ довѣрія. И это мнѣніе Гоголя также теперь принято всѣми историками. Еще менѣе эту переписку Гоголя со Срезневскимъ понималъ новѣйшій біографъ нашего поэта г. Шенрокъ, старающійся при всякомъ удобномъ случаѣ подрывать значеніе Гоголя, какъ историка; онъ говоритъ по поводу отзыва поэта о Конискомъ: „Гоголь не могъ не сознавать своей научной некомпетентности и потому также быстро спѣшилъ признать болѣе справедливымъ мнѣніе своего авторитетнаго корреспондента о Конискомъ.“ Все въ этихъ словахъ г. Шенрокъ неосновательно. Срезневскій, мало вѣря достовѣрности Конискаго, тѣмъ не менѣе пользовался его „Исторіей Руссовъ“ безъ критики и повторилъ всѣ его ошибки и вымыслы въ

своей „Запорожской Старинѣ“. Но Гоголь, вѣрно понявъ Конискаго, нигдѣ не пользуется сообщаемыми имъ историческими фактами, а усваиваетъ себѣ лишь ту „рѣзкую фізіономію“, тотъ „характеръ“, которымъ проникнута „Исторія Руссовъ;“ и Гоголь, подобно Конискому, „зналъ, о чемъ онъ пишетъ.“ Оба они стараются въ яркой картинѣ представить страданія своей горячо любимой родины; эти страданія, „невыносимый вопль“, поэтъ чувствуетъ въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ и свою скорбь о судьбѣ Малороссіи выражаетъ въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 г.: „теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украины“.

Приведенные нами выше исторіографическіе взгляды Гоголя достаточно ясно объясняютъ, почему онъ отдавалъ предпочтеніе пѣснямъ предъ лѣтописями, противорѣчивыми и сухими. Изъ пѣсенъ, думъ и народныхъ преданій онъ заимствуетъ факты, характеризующіе духъ народа, а изъ лѣтописей черты, обрисовывающіе военный бытъ Запорожья.

Какими же именно народными думами и преданіями, какими писанными лѣтописями пользовался Гоголь для своихъ произведеній?

Мы выше уже указали на то, что первые юношескіе историческіе романы и повѣсти поэта основаны, главнымъ образомъ, на лѣтописяхъ; эти произведенія подверглись опалѣ впослѣдствіи, когда Гоголь извѣрился въ лѣтописяхъ, какъ неизбѣлемомъ источникѣ для исторіи, и были безжалостно сожжены самимъ авторомъ, оставившимъ лишь небольшіе отрывки ихъ, которые казались ему лучшими; только болѣе позднія произведенія изъ прошлаго Малороссіи, основаны на малорусскихъ повѣрьяхъ, преданіяхъ, думахъ и пѣсняхъ. Отчасти эти основанія уже указаны въ изслѣдованіяхъ г.г. Тихонравова, Шенрока и Петрова, и намъ слѣдуетъ дополнить работу нашихъ предшественниковъ разбо-

ромъ лишь тѣхъ мѣстъ въ повѣстяхъ Гоголя, которыя остались неопредѣленными ими. Въ этихъ произведеніяхъ изображаются, съ одной стороны, повѣрья козаковъ и ихъ домашняя обстановка; съ другой, разсыяны черты, по которымъ можетъ быть опредѣленъ историческій моментъ изображаемаго поэтомъ событія. Такъ, напр., въ „Віи“ обрисована Гоголемъ школьная жизнь воспитанниковъ Кіевской академіи и домашняя обстановка сотника, являющагося богатымъ и вліятельнымъ землевладѣльцемъ и начальникомъ, окруженнымъ многочисленной дворней, какими сотники становятся только въ концѣ ХVІІ и началѣ ХVІІІ в.в.

Въ „Пронавшей грамотѣ“ историко-этнографическія черты выражаются въ сопоставленіи рядомъ двухъ козацкихъ типовъ: малорусскаго и запорожскаго, и изъ этого сопоставленія кратко, но ярко выясняется все сходство и различіе этихъ типовъ къ первой половинѣ ХVІІІ в., къ которому должна быть отнесена эта быль по факту сношенія гетмана (конечно, Разумовскаго) съ царицей (т. е. съ императрицей Елисаветой). Сопоставленіе даетъ также поводъ Гоголю выразить тѣ высокія чувства, которыя волновали его душу при изображеніи прошлаго быта козачества: „Итъ, прошло времячко—не увидать больше запорожцевъ!“ какъ бы мимоходомъ, съ грустью восклицаетъ поэтъ.

Въ „Ночи предъ Рождествомъ“ представленъ, между прочимъ, пріемъ императрицей Екатериной ІІ, въ присутствіи князя Потемкина, запорожцевъ, не требующихъ, а смиренно умоляющихъ уже о сохраненіи за ними ихъ вольностей (земель), что, какъ извѣстно, имѣло мѣсто въ 1765—1767 годахъ.

Въ „Страшной мести“ изображена общая картина, хотя лишь въ наброскѣ, повседневной борьбы съ польскими отрядами, нападающими на козацкіе хутора; эта картина, безъ пріуроченія къ опредѣленному мѣсту и времени, нарисована авто-

ромъ и по народнымъ пѣснямъ, изображающимъ столкновенія козаковъ съ жолнерами, и по малорусскимъ лѣтописямъ, богатымъ фактами изъ боевой жизни.

Герой повѣсти Данило Бурульбашъ, полковникъ или сотникъ козацкій (поэтъ не опредѣляетъ), напоминаетъ намъ черты характера гетмановъ Петра Сагайдачнаго и Ивана Сулимы, разорившаго крѣпость Родакъ въ 1635 году; дѣйствующія лица повѣсти прямо говорятъ или словами народныхъ пѣсенъ или пѣсеннымъ размѣромъ. Что касается до подробностей борьбы козаковъ съ жолнерами, то онѣ описаны поэтомъ чрезвычайно вѣрно; древнія актовыя книги по Юго-Западному краю даютъ огромную массу документовъ, содержащихъ въ себѣ картины подобныхъ столкновений козаковъ съ жолнерами; нѣсколько такихъ документовъ помѣщены нами въ приложеніи къ „Очерку гетманства Петра Сагайдачнаго“¹⁾. — „Страшная мѣсть“, по мѣткому замѣчанію Бѣлинскаго, составляетъ теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ“. Дѣйствительно, въ этой повѣсти поэтъ представляетъ обыденную жизнь малорусскаго козачества, жившаго въ городахъ, и совершенно не касается Запорожья, воскрешенію котораго посвященъ „Тарасъ Бульба“.

Въ „Страшной мѣсти“, между прочимъ, отмѣченъ поэтомъ практиковавшійся тогда способъ сообщенія старшинами своихъ распоряженій подчиненнымъ имъ козакамъ — въ фактѣ писанія паномъ Даниломъ Бурульбашемъ „листовъ“ (универсаловъ) къ своимъ козакамъ; о писаніи „листовъ“ говорятъ и думы и лѣтописи (листы Сагайдачнаго, Остраницы, Хмельницкаго и друг. гетмановъ первой половины XVII в.); многіе изъ этихъ листовъ сохранились до сихъ поръ и въ недавнее время изданы въ свѣтъ; этими же листами козаки созывались и на войну.

¹⁾ Чтенія въ Ист. Общ. Нест.-лѣт. кн., XV, вып. III, №№ VIII, XX и друг.; см. также и Архивъ Ю.-З. Руси, ч. III, т. I.

Съ такой же неопредѣленностью изображены лица и событія въ „Тарасъ Бульбѣ“. Самъ герой повѣсти старый козакъ Тарасъ могъ быть очерченъ Гоголемъ по нѣсколькимъ историческимъ малорусскимъ думамъ. Борьба его и сыновей съ поляками и татарами, измѣна одного изъ нихъ и горе стараго отца, по всей вѣроятности, заимствованы Гоголемъ изъ малорусской думы объ отступникѣ Тетеренкѣ: въ этой думѣ молодой сынъ козака Тетери, побывавшій въ плѣну въ Варшавѣ вмѣстѣ съ отцомъ, борется потомъ опять противъ татаръ и поляковъ и, наконецъ, переходитъ на сторону послѣднихъ; горе отца безгранично; но молодой Тетеренко не остается безъ наказанія: его ловитъ запорожець Случай, не смотря на то, что польскій отрядъ пытается защитить отступника; Случай неребиваетъ всѣхъ поляковъ, связываетъ Тетеренку и привозитъ въ Сѣчь, гдѣ виновнаго постигаетъ уже казнь ¹⁾. Гоголь, какъ мы знаемъ изъ содержанія его повѣсти, видоизмѣняетъ эту думу: даетъ Бульбѣ двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ измѣняетъ, какъ и въ думѣ объ отступникѣ Тетеренкѣ; другой замученъ поляками въ Варшавѣ, и за него-то мститъ горячо любящій его отецъ; этотъ фактъ сближаетъ уже Бульбу съ Хмельницкимъ, у котораго одинъ сынъ былъ засѣченъ на базарѣ Чигиринскимъ подстаростой Даниломъ Чаплицкимъ, а другой убитъ при осадѣ г. Сочавы въ Молдавіи. Здѣсь Хмельницкій, подобно Бульбѣ, выступаетъ мстителемъ за смерть любимаго сына. Другая черта, сближающая Бульбу съ Хмельницкимъ— это размѣры поднятаго имъ противъ Польши возстанія. У Бульбы собралось сто двадцать тысячъ козацкаго войска. „Это уже не была, говоритъ поэтъ, какая-нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу или на угонъ за татарами. Нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа. Такіе размѣры возстаніе, какъ извѣстно, при-

¹⁾ „Запорожская Старица“, ч. I, кн. I-я, стр. 42—53.

няло только въ эпоху Хмельницкаго. Хотя Гоголь и называетъ предводителемъ народа Остраницу и его товарища и совѣтника Гуню, а Бульбу нонижаетъ до ранга полковника; но это не уменьшаетъ его сходства съ Хмельницкимъ.

„А Тарасъ гулять по всей Польшѣ со своимъ полкомъ.... и уже доходилъ до Кракова“. Это новая черта приближаетъ также Бульбу ко времени войнъ Хмельницкаго, когда многіе полковники, дѣйствительно, были почти независимыми вождями, каковы, напр., Богунъ, Перебийнось и др. Черты характера своего главного героя поэтъ беретъ, какъ и въ „Страшной мести“, изъ пѣсни о Сагайдачномъ, который все время проводить на войнѣ, съ презрѣніемъ относится къ домашней жизни, грубо обходится со своей женой и высоко цѣнитъ лишь тютюнъ да польку, изъ-за которой, и погибаетъ, не желая, чтобы она осталась у его враговъ.—Ко времени Хмельницкаго повѣсть Гоголя можетъ быть приурочена и по факту неудачной осады козаками г. Дубна, такъ какъ до того времени нѣтъ извѣстій въ лѣтописяхъ объ осадѣ города.—Но почему вниманіе Гоголя было привлечено именно Дубномъ, а не какимъ-либо другимъ городомъ? Намъ кажется, отвѣтить на этотъ вопросъ можно лишь предположеніемъ, что Гоголю, кромѣ лѣтописнаго факта, было извѣстιο и существующее до сихъ поръ на Волыни преданіе, будто козацкій отрядъ подъ начальствомъ Шолудиваго Боняка напалъ на г. Дубно, долго производилъ страшное вокругъ него разореніе и причинялъ мученія людямъ. Города Бонякъ не успѣлъ однако взять и погибъ во время осады. Подъ Дубномъ до сихъ поръ указываютъ могилу, гдѣ погребенъ Шолудивый Бонякъ¹⁾. Предводителю этого козакаго отряда дано народомъ имяполовецкаго хана; это обстоятельство заставляетъ думать, что въ преданіи сохраняется память о двухъ осадахъ г. Дубна, изъ коихъ одна относится къ незапамятнымъ временамъ, а другая—къ періоду

¹⁾ Костомаровъ: Богданъ Хмельницкій, т. I, 342.

войнъ Хмельницкаго.—Объ эти осады памятливы стали народу по тѣмъ жестокостямъ, которыми онѣ сопровождались.

Народное преданіе объ осадѣ г. Дубна въ эпоху Хмельницкаго подтверждается и актовыми данными; въ Дубенской магистратской книгѣ за 1648 г., хранящейся въ Центральномъ архивѣ, мы встрѣтили приговоръ магистратскаго суда надъ крестьяниномъ Оедоромъ изъ села Клекотова, который, сдѣлавшись сотникомъ козацкаго отряда, велъ осаду города, разорялъ окрестности и мучилъ людей ¹⁾. Любившій все таинственное и страшное, Гоголь могъ знать это преданіе и воспользоваться имъ для своей повѣсти.

Г.г. Тихонравовъ и Шенрокъ отмѣчаютъ, въ свою очередь, другія мѣста „Тараса Бульбы, которыя онѣ могъ заимствовать изъ народныхъ думъ и пѣсенъ; напр., рассказъ о сборѣ охочекомонныхъ козаковъ составляетъ переложеніе въ прозу начальныхъ стиховъ пѣсни о Коновченкѣ по тексту, изданному Лукашевичемъ въ его сборникѣ: „Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни“. Плачъ матерей и женъ по козакамъ, убитымъ на войнѣ, представляетъ обработку разныхъ пѣсенъ и въ частности пѣсни „о выходѣ на линію“. Прощаніе матери съ сыновьями, отправляющимися на войну, заимствовано также изъ народной пѣсни. Товарищъ Тараса, спасающій послѣдняго отъ смерти въ степи, выражается словами народныхъ пѣсенъ. Козацкая слава изображается на основаніи думы „о походѣ поляковъ“. Характеристика Закрутыгубы въ первоначальной редакціи, и Мосія Шила, въ позднѣйшей передѣлкѣ, представляетъ собой пересказъ думы о „Самойлѣ Кишкѣ“, также напечатанной въ сборникѣ Лукашевича. Наконецъ г. Шенрокъ распространяетъ на Гоголя вліяніе духовныхъ стиховъ и былинъ. По его мнѣнію, изображеніе Днѣпра представлено поэтомъ подѣ

¹⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. 4. стр. 179—184; этотъ томъ въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ.

вліянієм стиха о Голубиной книгѣ, а обращеніе Тараса къ козакамъ въ битвѣ съ вопросомъ, есть-ли порохъ, остры-ли сабли и не утомились-ли руки, представляетъ подражаніе былинѣ о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси, и т. д.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ, что вліяніе на творчество Гоголя было весьма разнообразно, что, кромѣ думъ, въ его произведеніяхъ могли быть заимствованія не изъ однихъ былинъ и духовныхъ стиховъ, но и изъ древнерусскихъ литературныхъ произведеній, какъ „Слово о полку Игоревѣ“, подъ вліяніемъ котораго изображенъ поэтъ исходъ изъ тѣла благородной козацкой души и проч.

Пользуясь историческими малороссійскими народными думами, пѣснями и преданіями, собранными не только имъ самимъ, но и его современниками, о которыхъ мы выше упомянули; считая произведенія народного творчества самымъ богатымъ и благодарнымъ матеріаломъ при изображеніи быта и подвиговъ Запорожскихъ козаковъ; отводя имъ первое мѣсто между всѣми другими источниками для исторіи Малороссіи,—Гоголь, когда ему казалось необходимымъ это, заимствовалъ факты или бытовые черты и изъ малороссійскихъ лѣтописей. Исслѣдователь произведеній Гоголя, покойный проф. Н. С. Тихонравовъ, предполагаетъ, что онъ имѣлъ въ рукахъ только „Исторію Руссовъ“ Конискаго, „Описаніе Украины“ Боплана и „Исторію о козакахъ Запорожескихъ“ кн. Мышенцаго, хотя допускаетъ, что съ этой послѣдней онъ могъ познакомиться по книгѣ Шерера: „Annales de la Petite-Russie“ etc., изданной въ Парижѣ въ 1788 году. Нельзя не согласиться съ Тихонравовымъ, что лѣтопись Конискаго служила для Гоголя не только источникомъ, изъ котораго онъ изрѣдка лишь бралъ политическіе факты, но и образцомъ: изъ нея поэтъ заимствовалъ ту тенденцію, которой она проникнута,—„любовь къ родинѣ, часто увлекавшую его (автора) за предѣлы строгой справедливости“,

какъ отзывается объ этой лѣтописи Пушкинъ¹⁾. Что же касается до пользованія поэта лѣтописью кн. Мышецкаго, мало тогда распространенною въ рукописи и не появлявшеюся еще въ печати, то это мнѣніе проф. Тихонравова не можетъ быть принято. Еще въ началѣ 1834 г. (6-го марта) Гоголь пишетъ И. И. Срезневскому²⁾, что изъ всѣхъ означенныхъ имъ въ своей „Запорожской Старинѣ“ рукописей ему неизвѣстна „Пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Богдана Хмельницкаго“ (т. II, стр. 10), и проситъ снять съ этой лѣтописи копію для него или сообщить ему, „имѣется ли въ ней что-нибудь новое противъ лѣтописей Конискаго, Шафонскаго, Ригельмана?“³⁾. При этомъ Гоголь заявляетъ: „я имѣлъ случай многія (лѣтописи) перечестъ и, къ сожалѣнію, пропустилъ случай многія переписать“.... „Печатныя есть у меня почти всѣ тѣ, которыми пользовался Бантышъ-Каменскій“,⁴⁾ а въ числѣ ихъ были: „Лѣтописецъ Малыя Россіи“, изданный Ѳ. Туманскимъ; „Краткая лѣтопись Малыя Россіи“, изданная В. Рубановъ; „Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи“ Н. Бантыша-Каменскаго и др. Но разъ въ рукахъ Гоголя былъ Ригельманъ, Рубанъ, Туманскій, Бантышъ-Каменскій,—то „Исторія о Запорожскихъ козакахъ“ кн. Мышецкаго была для него уже не нужна. Всѣ подробности о строѣ козачества, о куреняхъ, о выборѣ кошевого, о судѣ, наказаніяхъ и проч. поэтъ могъ заимствовать у Ригельмана, Рубана и др.; наконецъ, онъ все это могъ взять и изъ народныхъ разсказовъ, потому что при жизни Гоголя запорожскіе порядки хорошо сохранялись въ памяти стариковъ и практиковались еще въ Дунайской сѣчи, какъ ска-

¹⁾ Сочиненія П. В. Гоголя, изд. X-е, т. I, стр. 654.

²⁾ „Русская Старина“ 1892 г., №№ 1—8, стр. 757.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid, стр. 758.

зали мы объ этомъ раньше. Несомнѣнно, у Гоголя былъ обширный историческій и этнографическій матеріалъ, и нельзя не вѣрить ему, что его исторія Малороссіи могла занять шесть томовъ и состоять изъ 80 главъ.—Поэтому, если еще въ 1833 году, когда Гоголь готовлялъ къ изданію первую редакцію своего „Тараса Бульбы“ въ сокращенной формѣ, у него было большое количество историческаго матеріала и всѣ тѣ данныя, касающіяся внутренняго и военнаго строя Запорожской общины, которыя внесены имъ въ болѣе полную редакцію 1842 г., то естественно думать, что дополненія имъ сдѣланы не потому, что онъ ознакомился съ новыми источниками, а вслѣдствіе того, что поэтъ, по напечатаніи въ 1835 г. первоначальной редакціи „Тараса Бульбы“, понялъ, какъ удобно расширить нарисованную имъ картину козацкой жизни и выразить сильнѣе и ярче духъ южно-русскаго рыцарства.—Выше мы также показали, что не одними лѣтописями и пѣснями пользовался Гоголь для воскрешенія былой жизни Запорожя, а, вѣроятно, и документами; ему, напр., могъ быть извѣстенъ универсалъ Остраницы, который и иллюстрируетъ онъ въ нѣсколькихъ главахъ изъ романа, имѣвшаго заглавіемъ имя этого героя, и событія въ нихъ изложены вовеce не по „Исторіи Руссовъ“ Конискаго, какъ думаетъ г. Тихонравовъ, равно какъ не Конискимъ руководился Гоголь, при изображеніи распространенія униі и гоненій на православіе, а „Историческимъ извѣстіемъ о возникшей въ Польшѣ униі“ Д. Бантыша-Каменскаго. Вообще, вліяніе сочиненій Н. и Д. Бантышей-Каменскихъ на Гоголя совершенно упускаютъ изъ виду его біографы и комментаторы, а между тѣмъ это вліяніе было и болѣе раннимъ, и болѣе сильнымъ, и болѣе продолжительнымъ, такъ какъ Бантыши-Каменскіе пользовались для своихъ сочиненій драгоцѣннымъ архивнымъ матеріаломъ, а Д. Бантышъ-Каменскій писалъ, кромѣ того, свою „Исторію Малой Россіи“, вышедшую въ свѣтъ въ 1822 году, въ имѣніи князя Репнина м. Яготинѣ, гдѣ находилось богатое собра-

ніе историческаго документальнаго матеріала; этихъ условій работы малорусскаго историка не могъ не знать Гоголь, и потому книга Бантыша служила для поэта настольной и справочной; не выяснили также біографы отношеній семьи Мартосовъ къ семьѣ Гоголя; существуетъ письмо Ивана Мартоса къ отцу поэта: сынъ этого Мартоса Алексѣй (1790—1842) былъ авторомъ малорусской исторіи и потому собралъ большое количество историческихъ источниковъ, которые могли быть извѣстны и Гоголю. Но все-таки среди нихъ историко-юридическіе документы занимали очень ограниченное мѣсто.

Недостаточное знакомство Гоголя съ архивнымъ матеріаломъ тяжело всего отразилось на изображеніи имъ судьбы южно-русской женщины въ XVI, XVII и даже въ XVIII в.в.; эту судьбу онъ представляетъ и въ „Страшной мести“, и въ „Остраницѣ“, и въ „Тарасѣ Бульбѣ“ такой, какой она сложилась уже въ его время. Между тѣмъ въ указанные вѣка положеніе женщины не было ни такимъ зависимымъ въ бракѣ, ни сама женщина не была такъ далека отъ интересовъ общественныхъ, какъ въ XIX-мъ вѣкѣ; архивныя изысканія гг. О. И. Левицкаго и О. А. Фотинскаго показываютъ, что не только въ XVI, но даже въ XVIII в., не только въ средѣ высшаго южно-русскаго общества, но и въ средѣ Запорожскаго козачества, бракъ разсматривался какъ гражданскій договоръ, и правомъ развода южноруссы пользовались широко, безъ участія въ этомъ актѣ церкви. Женщина, сказали мы, не оставалась тогда безучастна и къ общественнымъ дѣламъ; напр., въ началѣ XVII в., въ эпоху народнаго движенія при Сагайдачномъ, выдвигается не мало женщинъ, имена которыхъ фигурируютъ въ актахъ того времени¹⁾; особенно извѣстна жена Виленскаго каштеляна Софья Ходкевичъ, сама предводительствующая отрядомъ и ведущая осаду

¹⁾ „Приложенія къ очерку гетманства Петра Сагайдачнаго“, см. Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. XV, вып. 3-й, отд. III-й.

и штурмы замковъ; вспомнимъ жену Сагайдачнаго, а также и ея современницъ Хлусовичеву, Щеніевскую, Сынгаевскую, производящихъ нападенія на своихъ сосѣдей. Въ эпоху войнъ Хмельницкаго женщины также не оставались равнодушными къ тогдашнему ходу дѣлъ; въ собранныхъ нами актахъ изъ этой эпохи встрѣчается болѣе десятка именъ женщинъ, то участвующихъ въ рядахъ воюющихъ, то предводительствующихъ отрядами крестьянъ; среди этихъ именъ нѣтъ ни одного шляхетскаго; всѣ эти воинственные женщины—крестьянки. Можно думать, что Гоголю не были извѣстны и народныя пѣсни о дѣвучкахъ-козакахъ ¹⁾. Иначе онъ не изобразилъ бы только нѣжную мать, преданную и любящую жену, всецѣло уходящую въ заботы о семьѣ и хозяйствѣ, какими являются у него жена стараго Пудька въ „Остраницѣ“, Катерина въ „Страшной мести“ и, наконецъ, жена Тараса Бульбы.

Итакъ, если Гоголь пользовался для изображенія героевъ козачества не одними народными думами и пѣснями, если въ его распоряженіи находились не одни лѣтописи и цѣльные курсы исторіи Малороссіи, но также и кое-какой актовой матеріалъ, чтобы быть болѣе точнымъ въ передачѣ фактовъ и характеристикъ историческихъ дѣятелей,—то почему же мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ, подобно тому, какъ и въ историческихъ думахъ и пѣсняхъ, частую путаницу фактовъ ²⁾, замѣну историческихъ

¹⁾ Историческія пѣсни Малорос. народа, т. I, стр. 314.

²⁾ Для образца такой путаницы укажемъ, напр., на то, что отца той польской панны, которую полюбилъ Андрій Бульба, Гоголь называетъ сначала Ковенскимъ, а потомъ Дубенскимъ воеводой; но, какъ извѣстно, должностей въ Польшѣ ни Ковенскаго, ни Дубенскаго воеводы не существовало никогда, и Гоголь, имѣя въ рукахъ соч. Каспра Нѣсецкаго „Korona Polska“, не могъ этого не знать.

Или вотъ еще примѣръ: пріѣзжаютъ въ Стѣчь изъ Украины козаки, рассказываютъ о гоненіяхъ на православныхъ; между тѣмъ Бульба, только что пріѣхавшій оттуда же съ сыновьями, ничего о такихъ гоненіяхъ не знаетъ и не говоритъ, тогда какъ онъ не могъ не знать этого—фактъ былъ очень важный и громкій и совершался давно, медленно и постоянно возрастая.

Такихъ примѣровъ путаницы въ историческихъ повѣстяхъ Гоголя можно было бы указать не мало.

именъ вымышленными, а самихъ дѣятелей упоминающимися для приблизительнаго показанія одной только эпохи, къ которой могутъ быть относимы описываемыя событія?—Отчасти мы отвѣтили на этотъ вопросъ раньше, сказавъ, что Гоголь ставилъ своей задачей, главнымъ образомъ, характеристику козачества, его идеаловъ и вѣрованій,¹⁾ а теперь прибавимъ, что для такой характеристики одна опредѣленная эпоха или извѣстное историческое лицо не могли быть достаточны: въ одной эпохѣ или въ одномъ историческомъ лицѣ не заключались, какъ въ фокусѣ, всѣ черты, предсталяющія козачество въ отвлеченіи, и поэту приходилось ихъ собирать крупницами изъ разныхъ эпохъ, у нѣсколькихъ политическихъ дѣятелей и изъ многихъ источниковъ. Недаромъ же Гоголь и не называетъ своихъ повѣстей изъ быта козачества—историческими. Увлеченный думами и пѣснями, которыя онъ весьма высоко цѣнилъ, повторяя въ письмахъ къ друзьямъ о своей любви къ нимъ: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю!“ и говоря въ въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, что „онѣ—надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный памятникъ:

¹⁾ Гоголевскую мысль овозсозданіи въ повѣсти, какъ въ думѣ, лишь духа прошлаго времени, безъ точнаго представленія въ ней историческихъ дѣятелей той или другой эпохи, ясно и прямо выразилъ товарищъ и послѣдователь Гоголя Н. Кукольникъ въ своей исторической повѣсти: „Вольный гетманъ панъ Савва.“ Подобно Гоголю, въ основаніе своей повѣсти онъ не только кладетъ народную думу о панѣ Саввѣ, но и указываетъ, что заимствуетъ ее изъ собранія пѣсень Лининскаго и изъ сочиненія г. Скальковскаго о гайдамакахъ, а уклоняясь отъ опредѣленія времени, къ которому относится разсказываемый имъ фактъ, онъ говоритъ: „Въ какое время происходило все то, что буду разсказывать—опредѣлить трудно. Было себѣ когда-то. Были тогда и татары и турки и было козачество. Украина простиралась отъ Кавказа до Карпата, а на югъ до Балкановъ. Была себѣ Украиной вольной землей..... тогда на просторѣ свободно и безнаказанно разыгрывалось козацкое молодечество..... и теперь въ Малороссіи тяжба въ модѣ, но только на бумагѣ, а тогда тоже вѣчная тяжба, только на шабелькахъ.“ И хотя Кукольникъ старается саѣдовать въ изложеніи своего сюжета Гоголю, но у него нѣтъ ни той высокой идеи, ни того чувства любви къ родинѣ, какими проникнуты повѣсти Гоголя, нѣтъ тѣхъ яркихъ красокъ и размахистой кисти, какими рисовалъ своихъ героевъ Гоголь. У Кукольника вышло все блѣдно и безжизненно и только сильнѣе отбѣиваетъ превосходство повѣстей его гениальнаго товарища.

Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью—
ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ
„тѣтониси“ (т. е. пѣсни), Гоголь пытается самъ создать такую
же думу, такую же пѣснь въ прозѣ.— И онъ создалъ ее!—
Это сейчасъ почувствовалъ своимъ высокимъ гениемъ Бѣлинскій.
„Если, говорить онъ о Тарасѣ Бульбѣ, въ наше время возмож-
на гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій обра-
зецъ, идеаль и прототипъ!“....

VI.

ри выходѣ своемъ въ свѣтъ первыя произведенія
Гоголя изъ быта козачества были встрѣчены все-
общимъ восторгомъ. Пушкинъ писалъ о нихъ: „Все это такъ
необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не обра-
зумился“; онъ находилъ, что автора надо поддержать, „если
журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе
его выраженій, на дурной тонъ и проч.“

Съ такимъ же восторгомъ писалъ о произведеніяхъ Го-
голя и Бѣлинскій: „И какая кисть широкая, размашистая,
рѣзкая, быстрая! какія краски яркія и ослѣпительныя!.... И ка-
кая поэзія энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь,
то гнѣздо, откуда вылетаютъ все тѣ гордые и крѣпкіе, какъ
львы, откуда разливается воля и козачество на всю Украину!“¹⁾

Въ частности, онъ говоритъ: „Страшная мѣсть“ составляетъ
теперь pendant къ „Тарасу Бульбѣ“, и обѣ эти огромныя кар-
тины показываютъ, до чего можетъ возвыситься талантъ
Гоголя“²⁾.

Въ 1842 году, когда появилось измѣненное и дополнен-
ное изданіе „Тараса Бульбы“, Бѣлинскій замѣчаетъ, что въ
первомъ изданіи этой повѣсти „на многое только намекнуто

¹⁾ Соч. В. Г. Бѣлинскаго, изд. В. Фукса, Кіевъ 1901 г., т. III, стр. 80.

²⁾ Ibid., стр. 77.

и что многія струны остались въ немъ незатронуемыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, пѣвецъ Бульбы не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы ей чуждо, но только развилъ многія, уже заключившіяся въ ея идеѣ, подробности. Онъ исчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи и въ дивномъ художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ“¹⁾.... Мы сдѣлали, быть можетъ, нѣсколько длинную цитату изъ произведеній Бѣлинскаго, но потому, что его оцѣнка Гоголевскихъ произведеній наиболѣе вѣрна. Она такъ же истинна, такъ же поэтична и такъ же безсмертна, какъ и разобранныя авторомъ историческія повѣсти Гоголя. Трудно опредѣлить значеніе творчества Гоголя яснѣе и сильнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Бѣлинскій.

Среди этого громкаго восторга и ликованій отъ произведеній Гоголя заглохли, почти неслышны были голоса противниковъ поэта, Полевого, Булгарина и друг., руководившихся болѣе партійными счетами и симпатіями, чѣмъ требованіями истины и справедливости, руководившихся болѣе мелочной злостной придирчивостью, чѣмъ спокойнымъ безпристрастіемъ.

Но и послѣ смерти поэта не переставали время отъ времени раздаваться враждебные голоса. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ его поклоннику и горячему почитателю, но до крайности непостоянному и нетвердому въ своихъ взглядахъ П. А. Кулишу. Въ „Эпилогъ“ къ своей „Черной радѣ“, Кулишъ²⁾ не признаетъ, „чтобы произведенія Гоголя объясняли Малороссію“, хотя допускаетъ, что они „дали новое сильное побужденіе къ ея объясненію“. Гоголь не въ состояніи былъ будто-бы „изслѣдовать родное племя въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кон-

¹⁾ Соч. В. Бѣлинскаго, изд. В. Фукса. Кіевъ, 1901, т. III, стр. 84.

²⁾ „Рус. Бесѣда“. Москва 1857, III, стр. 129 и слѣд.

„все это „Тарасомъ Бульбою“, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о Малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ“. ¹⁾ По его мнѣнію, „Тарасъ Бульба“ только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зияющей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины“ ²⁾.

На защиту Гоголя выступилъ Максимовичъ, другъ поэта, и въ письмѣ къ Г. П. Галагану, отъ 12 января 1858 г., писалъ: „Что Гоголь очень достаточно зналъ исторію Малороссіи, языкъ и пѣсни ея народа, и всю народную жизнь ея понималъ онъ глубже и вѣрнѣе многихъ новѣйшихъ писателей малороссійскихъ; то извѣстно мнѣ положительно и достоверно, какъ по прежнимъ его занятіямъ, особенно 1834 и 1835 г.г., такъ и по его бесѣдамъ со мной 1849 и 1850 г.г. Но свойство его поэтическаго генія было уже таково, что дѣйствительную жизнь онъ своевольно пересоздавалъ и преобразовывалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое“ ³⁾. Такъ смотрѣлъ Максимовичъ на творчество Гоголя, а это—мнѣніе глубокаго знатока южно-русской исторіи и этнографіи. Находимъ излишнимъ излагать подробнѣе полемику изъ-за Гоголя между Кулишемъ и Максимовичемъ, такъ какъ она обстоятельно передана уже А. Н. Пыпинымъ въ его „Исторіи Русской этнографіи“ ⁴⁾.

Не будемъ говорить также и о другихъ критикахъ, то совѣтовавшихъ Гоголю писать трагедіи изъ малорусской исторіи или изображать высшіе классы южно-русскаго общества, то прямо изрыгавшихъ на поэта хулу и брань въ самыхъ грубыхъ вы-

¹⁾ „Рус. Бесѣда“, Москва, 1857, III, стр. 129 и слѣд.

²⁾ Ibid.

³⁾ Собр. сочиненій, т. I, стр. 517.

⁴⁾ т. III (Этнографія Малорусская), стр. 204 и слѣд.

раженіяхъ¹⁾; о такихъ критикахъ съ полнымъ правомъ можно сказать то же, что сказалъ О. М. Сомовъ о критикѣ Полевого въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1834 года: „Не правда-ли, что Полевой совершенно оправдалъ басню Крылова: „Оселъ и Соловей“²⁾).

Разбору произведеній Гоголя изъ быта козачества не мало мѣста удѣлилъ г. А. Скабичевскій въ своемъ трудѣ: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ“³⁾. Разборъ этотъ не подвергался еще оцѣнкѣ, и мы рассмотримъ его главнѣйшія положенія. Сущность взгляда г. Скабичевского заключается въ слѣдующемъ:

Разсказъ „Страшная месть“, по его мнѣнію, при всей прелести отдѣльныхъ мѣстъ въ родѣ знаменитаго описанія Дибира, въ историческомъ отношеніи представляетъ рядъ общихъ стереотипныхъ мѣстъ, не обнаруживающихъ еще въ молодомъ авторѣ особенно глубокаго знанія малорусской старины“. Эта оцѣнка разсказа кажется намъ слишкомъ неопредѣленной и бездоказательной, чтобы можно было возражать противъ нея, а примѣръ грубости и лубочности будто бы красокъ въ изображеніи польскаго пира мы считаемъ прямо неудачнымъ; все въ этомъ изображеніи исторически вѣрно.

Въ отрывкахъ романовъ „Гетманъ“, „Плѣшникъ“, „Острица“ онъ видитъ лишь предварительныя пробы пера предъ написаніемъ исторической эпопеи „Тарасъ Бульба“; и критику слѣдовало бы прибавить для большей справедливости своего отзыва, что эти пробы показали, какъ хорошо пишеть Гоголевское перо, какъ вѣрно поэтъ понимаетъ характеръ изображаемой эпохи и какимъ необычайнымъ ясновидѣніемъ въ прошедшемъ отличается онъ.

¹⁾ См. брошюру генерала Герсевича: „Гоголь предъ судомъ обличительной литературы“, Одесса, 1861 г.

²⁾ Собр. сочиненій, т. I, стр. 517.

³⁾ Сочиненія А. Скабичевского, т. II, стр. 675—681.

Сопоставляя „Тараса Бульбу“ съ произведеніями Пушкина, г. Скабичевскій находитъ прежде всего, что языкъ у Пушкина доведенъ до послѣдней степени простоты, у Гоголя же онъ „крайне цвѣтистъ“, отличается витіеватостію и напыщенностію, забывая, что „le stile c'est l'homme“ и что, въ частности, Гоголю присущъ былъ лиризмъ, отмѣченный еще Бѣлинскимъ, признававшимъ его однимъ изъ достоинствъ Гоголевскихъ произведеній.

Далѣе, г. Скабичевскій считаетъ преувеличеніемъ у Гоголя изображеніе „бѣшеннаго разгула веселости“ у козаковъ, предполагая, что при такой жизни козаки были бы одержимы бѣлой горячкой, стали бы пропойцами, и Сѣчь скоро бы прекратила свое существованіе. Но критикъ забываетъ, что запорожець гулялъ лишь тогда, когда „въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки шинкарей и торгашей“; въ другое время онъ или занимался рыбной ловлей или охотой; прекратить же свое существованіе отъ разгула Сѣчь не могла уже потому, что пополнялась не естественнымъ приростомъ „безженныхъ рыцарей“, а выходцами изъ Украины. Наконецъ, самъ поэтъ поясняетъ, какъ слѣдуетъ понимать его слова: „это не былъ черный кабакъ . . . это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей“, говоритъ онъ.

Сравнивая содержаніе историческихъ произведеній Пушкина и Гоголя, г. Скабичевскій замѣчаетъ, что Пушкинъ все необычайное, выдающееся старается свести къ будничному, тогда какъ у Гоголя всѣ образы освѣщены въ его романъ-поэмѣ бенгальскимъ огнемъ, „пестрота красокъ и яркость колорита слѣпнотъ ваши глаза. . . и вы не оберетесь здѣсь самыхъ рѣзкихъ преувеличеній“. Здѣсь критикъ упускаетъ изъ виду, что Гоголь рисуетъ козачество въ моменты его высокаго патріотическаго возбужденія, когда все будничное принимаетъ характеръ торжественнаго и необычайнаго, что онъ рисуетъ не то козачество, которое мирно жило въ своихъ семьяхъ по хуто-

рамъ и занималось хлѣбопашествомъ, а выходцевъ изъ Украины, искавшихъ простора для своей удали, ставившихъ цѣлью своей жизни борьбу за вѣру и родину, подвижничество за идею. И въ произведеніяхъ Гоголя мы не видимъ не только „самыхъ рѣзкихъ“, но и какихъ бы то ни было преувеличеній, самыхъ малыхъ.

Что же касается до отмѣчаемаго г. Скабичевскимъ вполнѣ будто бы архаическаго взгляда Гоголя на женщину, то мы его находимъ совершенно естественнымъ въ общинѣ, не допускавшей въ свою среду женщинъ; отсюда уже онъ, конечно, могъ проникать и въ козацкія семьи, жившія далеко отъ Запорожья. Совершенно естественны также въ дѣйствительной жизни и крайнія отклоненія отъ этого взгляда въ противоположную сторону, создавшія, вмѣстѣ съ польскимъ вліяніемъ, болѣе независимое и высокое положеніе украинской женщины.

Отсюда мы видимъ, какъ слаба критика г. Скабичевскаго, показавшаго и свое неглубокое проникновеніе въ высоко поэтическія произведенія Гоголя, и свое недостаточное знаніе условій козацкой жизни, и свое незнакомство съ духомъ и обстановкой Запорожья.

Подробнымъ изученіемъ произведеній Гоголя вообще и по исторіи Малороссіи въ частности занялся редакторъ X-го изданія сочиненій Гоголя, проф. Н. С. Тихонравовъ. Онъ поставилъ своей задачей подобрать ссылки къ историческимъ повѣстямъ Гоголя, но ограниченное знакомство его съ южно-русской исторіографіей привело къ невѣрности многихъ изъ этихъ ссылокъ. Онъ или преувеличиваетъ значеніе нѣкоторыхъ источниковъ, какъ напр., „Исторіи Руссовъ“ Конискаго и „Описанія Украины“ Боплана, или указываетъ на такіе малораспространенные источники, безъ которыхъ Гоголь легко могъ обходиться, какъ, напр., безъ „Исторіи“ князя Мышенцаго, на что мы и указали выше, или умалчиваетъ о такихъ, которые ярко отразили свое вліяніе

на повѣстяхъ Гоголя. Мнѣніе же его о томъ, что Гоголь никогда не писалъ исторіи Малороссіи, не имѣетъ прочнаго оснoванія.

Гораздо дальше въ отрицаніи научнаго значенія произведеній Гоголя по исторіи Малороссіи идетъ его недавній біографъ г. Шенрокъ. Онъ не только безъ провѣрки принимаетъ ошибочныя предположенія г. Тихонравова относительно источниковъ, которыми пользовался Гоголь при своихъ работахъ, но даже доходитъ до искаженія смысла писемъ Гоголя; такъ, напр., онъ поступаетъ съ письмами Гоголя къ Срезневскому ¹⁾. Мы умалчиваемъ уже о томъ, что ни г. Тихонравовъ, ни г. Шенрокъ даже не пытаются провѣрить историческіе взгляды поэта, забываютъ о мнѣніяхъ такого знатока и Гоголя, и его произведеній, и южно-русской исторіи, какимъ былъ Максимовичъ, и отказываются принять во вниманіе положеніе (а Гоголь находился въ немъ) историка, имѣющаго въ своихъ рукахъ слишкомъ мало документальныхъ данныхъ, кромѣ неточныхъ лѣтописей, повторявшихъ ошибки одна другой, и недостаточныхъ для строгой критической оцѣнки сообщаемыхъ ими фактовъ, оцѣнки, къ которой всеми силами стремился поэтъ, но въ концѣ долженъ былъ отказаться отъ своей попытки разобраться въ противорѣчіяхъ лѣтописей.

Ко взгляду гг. Тихонравова и Шенрока примыкаетъ и мнѣніе А. П. Пыпина объ историческихъ трудахъ Гоголя. ²⁾

VII.

 Изъ разсмотрѣнія критическихъ отзывовъ о научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ Гоголя по исторіи Малороссіи, мы приходимъ къ заключенію, что эти произведенія вѣрно поняты и правильно оцѣнены только Пушки-

¹⁾ *Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. II, стр. 183.

²⁾ Исторія рус. этнографіи, т. III (Этнографія Малорусская) А. Н. Пыпина. Спб. 1891, стр. 30.

нымъ, Бѣлинскимъ и Максимовичемъ; но ихъ отзывы болѣе или менѣе общи и не касаются подробностей; тѣ же изслѣдователи, которые занялись болѣе обстоятельнымъ изученіемъ историческихъ статей и повѣстей Гоголя, приступили къ нимъ безъ достаточной подготовки и знакомства съ источниками южно-русской исторіи и съ недобримъ чувствомъ подозрительности къ поэту. Такимъ образомъ, произведенія Гоголя ждутъ еще безпристрастной оцѣнки и всесторонняго изученія, и мы надѣемся, что исполнившееся нынѣ 50-лѣтіе со дня смерти геніальнаго творца „Тараса Бульбы“ и приближающееся празднованіе столѣтія со дня его рожденія въ 1909 году, побудятъ кого-либо изъ знатоковъ южно-русской исторіи къ заполненію этого пробѣла, безъ предвзятой мысли и съ должнымъ вниманіемъ къ тому высокому назначенію, исполнить которое выпало на долю южно-русскаго рыцарства, а изобразить его „въ дивномъ художественномъ созданіи“—на долю Гоголя; и пусть такой изслѣдователь, подобно самому поэту, „скажетъ про нихъ (про повѣсти Гоголя) свое густое, могучее слово; и пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ“.

Но намъ могутъ, и не безъ основанія, возразить словами слѣпнаго бандуриста (Божьяго Человѣка):

„Суета суеть! Слава нужна міру, а не тому, кто славенъ. Міръ пускай учится добру, слушая, какъ жертвовали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога!“¹⁾.

И. Савининъ

¹⁾ „Русская Бесѣда. Москва, 1857 г., III, стр. 122. „Черная рада, хроника 1663 г.“ П. А. Кулиша.